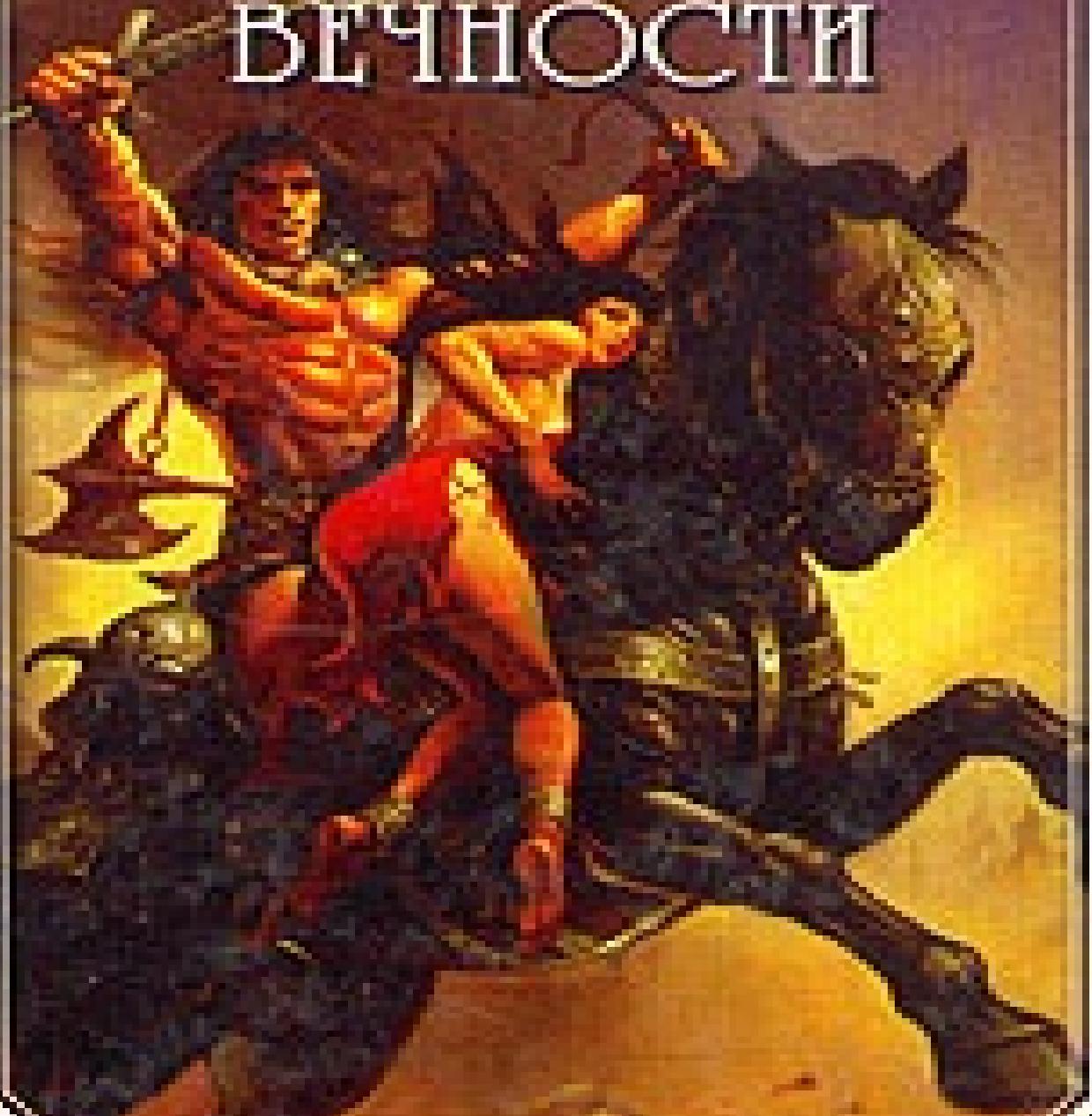

Северо-Запад

КОНАН И ВДАТА ВЕЧНОСТИ

Северо-Запад

Annotation

В сборник вошли романы: «Врата вечности» А. Олдмена, «Седьмая невеста» Д. МакГрегора и «Обитель спящих» Т. С. Стюарта о знаменитом Конане-варваре.

- [Андрэ Олдмен](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
-

Андрэ Олдмен

Конан и Врата Вечности

ГЛАВА 1

Рыцари удачи

Небо было синим, щебень белым, а скалы желтыми с красноватым отливом. Знойное марево дрожало над мертвой пустыней, и, казалось, сухие ноги трех стройных хауранских скакунов опускаются в прозрачные воды мелкого озера, покрывавшего бесплодную землю.

Всадники, сидевшие в простых кожаных седлах без украшений, кутались в серые бурнусы, прикрывая лица шарфами: ровный ветер с отрогов гор Тайдук-Нубас нес на своих жарких крыльях пыль, меловое крошево и мелкие, жалящие кожу споры растений. Его порывы рождали в каменистых расщелинах гулкие протяжные звуки, словно духи ущелий пели свои заунывные, предостерегающие путников песни.

— Не зря говорят, прокляты богами места эти, — пробурчал высокий седок, посапывая и что-то поправляя под широким бурнусом.

— Мой храбрый Бравгард, — откликнулся низенький толстяк, державшийся в седле с небрежной уверенностью опытного наездника, — тебе нечего опасаться, пока с тобой повелитель Эль-Мехема. Забыл ли ты, друг мой, что твой господин неустршим, как лев, осторожен, как дикий кот, и мудр, как столетний ворон. Так говорят подданные о властителе лучшего города Востока, светлейшем Абу-Дастане. Если, конечно, не лукавят.

— Не лукавят, — пробурчал сквозь шарф высокий, — мы давно знакомы, еще с тех пор, когда тебя звали просто Дастаном. Ты всегда был котом, львом, вороном и еще дюжиной животных: смотря по обстоятельствам.

— Т-с-с! — погрозил толстяк пальцем, на котором блеснул алый камень в золотой оправе. — Не забывай, друг мой, что здесь даже скалы имеют уши. Нашим добрым подданным вовсе ни к чему знать некоторые подробности из прошлой жизни их господина.

— Да этих трусов сюда не заманишь даже послами всех сокровищ Вендии! — воскликнул его спутник, привстав на стременах. — Клянусь шлемом Мардука, Дасть, не по душе мне здешние ублюдки. От последнего раба до нобиля с кривой саблей у пояса — все они лжецы и предатели. Готовы целовать пятки тому, кто сильней, а при первом удобном случае — всадят нож в спину.

Абу-Дастан воздел руки и расхохотался. Ветер откинул его шарф, пыль набилась в маленький рот повелителя Эль-Мехема, толстяк заперхал и снова прикрыл лицо.

— А где ты видел иных людишек, мой добный Бравгард? — спросил он, прокашлявшись. — В Немедии, где более чтут крепкий кулак, чем писаные законы и где каждый нобиль почитает своим долгом носить на пальце перстень с ядом? Или в Аквилонии, кичащейся своим величием, основанным на самых изощренных во всей Хайбории пытках? Вспомни Шамар и яму с голодными крысами, которой лишь помощь Мардука, покровителя всех наемников, да моя хитрость помогли избегнуть. Вспомни, что предал нас Плехт, наш славный боевой товарищ. Вспомни также Боссонские Топи, форт Велитриум и арбалетчиков, готовых превратить нас в мертвых ежей лишь за то, что в пьяной драке ты лишил сына шерифа его драгоценного уха. Вызови в памяти своей Танцевальный Помост на главной площади Кордавы и палача в красном капюшоне. Сей достойный слуга короля зингарского собирался таким образом отблагодарить нас за оказанные его господину услуги...

— Хватит, Дасть! — воскликнул длинный. — Ты убедил меня: Эль-Мехем не такое уж гиблое

место. Хотя мне и не хотелось бы провести остаток дней посреди раскаленных песков и щебня. Не понимаю, что ты нашел в этом так называемом княжестве, проскакать из конца в конец которое можно даже не взмылив коня. У меня все время такое чувство, будто ведьмы сунули нас в котел и разводят под ним свое гнусное пламя. Я скажу тебе, Дасть, не как шахсару, а как старому боевому товарищу: не по душе мне все это. Мы славно погуляли по многим странам, послужили не одному королю, раскроили немало черепушек и участвовали в добной дюжине интриг от Аргоса до Гандерланда. Хлебали лиха и пили вино, развлекались с женщинами и томились в застенках: было хорошо, было плохо, но никогда не было скучно. Ответь и ты мне так же откровенно, что нашел Дастан Толстый, прозванный также Лисом за хитрость и изворотливость, что нашел сей бесшабашный рыцарь удачи за стенами Эль-Мехема?!

Дастан некоторое время ехал молча, отпустив поводья. Мелкие камни похрустывали под копытами хауранских жеребцов, знойное марево поднималось выше, доходя уже до колен скакунов – волны зноя, густея, катились от приближившихся скал, похожие теперь не на воды мелкого озера, а на слоистое стекло, тускло блестевшее под полуденным солнцем.

– Не знаю, Бравгард, – молвил шахсар, подбиравая веревочную узду, – в конце концов, это первая страна, которую мы завоевали. Пусть она маленькая, пусть жители ее прозябают в ничтожестве, но, согласись, город Эль-Мехем прекрасен. Поистине жемчужина песков...

– Жемчужина на дне котла, в котором выкипела похлебка, – пробурчал высокий. – Спору нет, дворцы и фонтаны Эль-Мехема великолепны, сады его тенисты, а бабы, хоть и закрывают лица, способны вскружить голову даже дикому ваниру. Кому только пришло в голову выстроить подобное чудо посреди мертвой долины, запертой со всех сторон горами? В переводе на наш язык Эль-Мехем означает «Уединенный Город», но что проку в уединении, кое нарушить способен любой, у кого меч длиннее, а рука крепче?

Абу-Дастан хмыкнул.

– И все же, мой добный Бравгард, взяли этот город мы, немедийские наемники. На восход, за перевалами Тайдук-Нубас лежит Вендия, величайшая держава Гирканского материка. Слоны кшатриев способны растоптать любого, осмелившегося только подумать – не говорить! – о собственных притязаниях. На закат расположены Косала и далее – Иранистан. Стоит тамошним повелителям захотеть – и наше небольшое королевство окажется под их властью. Тебе не кажется странным, что дивный город Эль-Мехем до сих пор сохранял независимость?

Бравгард помедлил с ответом, потом сказал осторожно:

– Я не силен в политике, о шахсар. Это твои дела. Только сдается мне, что ничтожный Агиб-Абу, имевший глупость нанять нас себе на службу, был слугой двух господ. Болтают на базарах, он умел ладить и с мехранаджубами Вендии, и с повелителями Косалы. Теперь же, когда Агиб-Абу мертв, а мехемцы целуют твои туфли, государи сопредельные не преминут отхватить лакомый кусочек.

– Это тоже болтают на базарах? – резко повернулся к своему спутнику владетель Эль-Мехема.

– Болтают, – кивнул Бравгард. – Ты сам велел быть твоими ушами и глазами, о великий, достойный, попирающий твердь, дарованную богами, шахсар!

Последние слова он произнес с неподдельным пафосом и глубоким, насколько позволяло седло, поклоном. Шахсар милостиво кивнул.

– Хорошо сказано, Бравгард-нэмэ, ты наконец освоил восточную учтивость. Мы

довольны. Пожалуй, сегодня вечером мы пришлем в твою опочивальню пару наложниц: Саффину, заморку, и еще эту беленькую, Иллис из Бритунии. Или ты предпочитаешь пышнотелых туранок? Попроси, мой достойный глава дворцовой стражи, и получишь хоть дюжину: мы не любим толстушек. В любви они проворнее марала, но слишком болтливы. Как восточный деспот, суть власти коего – тайна, отдаем предпочтение малоречивым северянкам, остальных же склоняемся лишить языков, как сделал наш предшественник с несчастным шемитом Махрой, уж не знаем за что...

И толстяк указал на следовавшего в некотором отдалении третьего всадника.

– Ты мудр, как ворон, – кивнул Бравгард. – Следовало бы вырвать языки всем здешним. Болтают много, и все не по делу.

– Например, о колдуне, – подсказал Дастан.

– О колдуне, об этом проклятом стигийце, – снова кивнул длинный. – Поговаривают даже, что он использовал чары, дабы ты, о шахсар, дозволил ему поселиться в этих местах...

Он осекся и резко натянул поводья: жеребец Дастана, повинувшись узде хозяина, повернулся, загораживая дорогу начальнику дворцовой стражи.

– Поговаривают?! – гневно вскричал шахсар. – Поговаривают! Ты произносишь это так, словно речь идет о сплетнях, гуляющих среди ничтожных женщин! Назови имена, звания! Впрочем нет, мне это неинтересно. Отчего болтуны до сих пор не висят на крючьях, вбитых в стену возле Балдахских ворот?! Тем, кто горазд чесать языками, не худо бы почесать ребра, и заниматься сим праведным делом обязан ты, глава моих янпачей! А коли не способен, так я пришлю ночью вместо красавиц черного зембабвийца Рабомбу, и ты, недостойный, послужишь ему наложницей!

Рука Бравгарда метнулась под полог бурнуса – жаркое солнце пустыни полыхнуло на длинном прямом клинке. Конь бывшего немедийского наемника заржал и встал на дыбы.

– Клянусь сосками Братгальды! – взревел оскорбленный воин. – Ты достал меня, шахсар проклятый! Вытаскивай свою саблю и поглядим, какая сталь крепче – северная или южная!

Безмолвный Махра потянул из-за пазухи пару метательных хассаков, готовый пустить их в ход по первому знаку своего господина – повелителя всех добрых мхемцев.

Но повелитель лишь расхохотался, поглаживая гриву коня и грозя начальнику янпачей коротким пальцем.

– Полно, мой добрый боевой сотоварищ, – вымолвил он сквозь смех, – это всего лишь южная шутка, и не следует отвечать на нее сталью!

– Есть шутки, которые нужно вбивать обратно в глотки, – Бравгард с трудом сдерживал своего горячего скакуна, – я тебе не лизоблюд мхемский, мне честь ведома!

– А я было стал сомневаться, когда ты принялся кланяться да величать меня дурацкими титулами, словно на дворцовых приемах. Оглянись, друг, вокруг никого нет!

– Тем лучше, месьор Дастан, значит, наш поединок не будет потешным!

– Поединка вовсе не будет. Я беру свои слова обратно и приношу тебе глубокие извинения, месьор Бравгард, старая собака.

– Так-то лучше, Лис. Нечего хвост распускать, шахсар недоделанный. А своего чернозадого Рабомбу стигийцу отправь в качестве подарка. Глядишь, колдуну и понравится...

Леденящий душу рев вырвался вдруг из расщелины недалеких уже скал. Сильный порыв ветра закрутился пыльной воронкой, и она стремительно понеслась навстречу всадникам.

– Спасайся, повелитель, – завопил Бравгард, готовясь дать коню шпоры и забыв о всяческой чести, – стигийский ублюдок напустил на нас чары!

Новый взрыв хохота был ему ответом.

Впрочем, заметив, как яростно сверкнули глаза немедийца, шахсар тут же перестал смеяться и сделал примирительный жест.

— Не обижайся, приятель, — прокричал он сквозь рев ветра, — знаю, ты не боишься никого из смертных, но чернокнижники способны вселить ужас даже в самые отважные сердца. Успокойся! Этот ветер не имеет никакого касательства ни к чарам, ни к волшебнику. Просто он дует с гор и, попадая в трещины, гудит там, как в печных трубах.

Рев стих, пыльный смерч рассыпался у ног лошадей. Бравгард обиженно пожал плечами.

— Тебе, конечно, виднее, Дастан. Стигиец — твой дружок, и в гости к нему ты всегда отправляешься лишь в сопровождении немого. Повторю: тебе виднее. Но позволь заметить, шахсар, я бы не стал так уж доверять колдуна. Всем известно, что чародеи коварны, тем более стигийцы. Вспомни также, что я говорил о желании мхемцев всадить нож в спину тому, перед кем они вынуждены пресмыкаться. Не всем по нраву, что на престоле Эль-Мхема сидит бывший наемник, а здешние места просто созданы для темных дел...

— К твоей бы храбрости еще и побольше сообразительности, — усмехнулся Дастан, снова трогая коня вперед. — Не ты ли утверждал, что мхемцев не заманишь сюда даже посулами сокровищ? Сие правда, и опасаться мне нечего. Даже если кто-нибудь и проследил, как бедно одетые всадники направились в сторону гор, соглядатай не осмелится сойти с дороги и приблизиться к пещере колдуна ради того, чтобы узнать, кто скрывается под серыми бурнусами. Что же касается коварства стигийца, не стоит забывать, что лучшая порука всяческих отношений — корысть, привязывающая крепче, нежели любое иное чувство.

А корысть чародея велика. Так что отбрось сомнения, о неустршимый глава янпачей, и смело следуй за своим господином!

Скалы уже нависали над ними, расступаясь лощиной, в которую Дастан углубился с уверенностью человека, не раз бывавшего в этих местах. Кони уверенно брали подъем, сначала отлогий, потом все более крутой. Вдоль тропинки росли чахлые пыльные кусты, на желтоватых стенах виднелись красноватые извилистые полосы, напоминавшие тела огромных змей.

Тропинка привела на широкую террасу, полукругом охватывающую основание довольно высокого пика, похожего на гигантский гнилой зуб. Над утесом высилась мрачная высокая башня. Здесь было много больших камней, скатившихся со склонов гор Тайдук-Нубас — горячих, голых и мертвых. Кусты исчезли, даже трава не росла в этом гиблом месте. Не видно было и всегдаших обитателей знойных долин — ни ящериц, ни полозов, и даже насекомых не было.

— Веселое местечко избрал стигиец для уединения, — проворчал Бравгард, озираясь по сторонам. — А ведь ты предлагал ему поселиться во дворце...

Он не договорил и резко натянул поводья. Из-за ближайшего камня раздался звук, заставивший немедийца снова извлечь из-под бурнуса тяжелый меч. Земля дрогнула под тяжелой поступью, и взорам путников явилось создание, более уместное в кошмарныхочных сновидениях, нежели под лучами яркого полуденного солнца.

Внешне оно отдаленно напоминало человека, правда, шире любого молодца-силача раза в два и выше локтя на три. Туловище его было черным, а голова, по-видимому, металлической: она ярко сверкала белыми сполохами и более всего напоминала чудовищных размеров перевернутую суповую миску, увенчанную не то рогом, не то усом с алым шариком на конце. Там, где полагалось быть лицу, темнели три отверстия, кои при наличии

воображения можно было отождествить с глазами и ртом. Из всех отверстий валом валил желтый дым.

Чудовище загородило людям дорогу и застыло, медленно поднимая и опуская согнутые в локтях короткие толстые руки.

– Привет тебе, о Страж Безмолвия! – привстал на стременах шахсар, прикладывая к сердцу ладонь и кланяясь. – Мы прибыли, дабы испросить разрешения повидать твоего господина и засвидетельствовать ему свое почтение. Если он соблаговолит нас принять, мы войдем под его кров, если нет – удалимся с миром.

– Клянусь кишками дохлого ванира... – начал было Бравгард, но Дастан жестом приказал спутнику умолкнуть.

Под суповой миской Стража что-то загудело, дым повалил гуще, потом железная голова монстра пришла в движение и с ужасным скрипом повернулась затылком к гостям – стали видны начертанные на гладкой поверхности магические знаки.

– Не обращай внимания на этого урода, – шепнул шахсар своему товарищу, – он безобидный, только с виду страшный. Магарбан постарался, дабы отпугивать тех, кто рискнет нарушить его уединение. Но, так как сюда, кроме меня и немого Махры, никто не ходит, монстр скучает от безделья и, кажется, постепенно ржавеет. В прошлый раз его башка скрипела гораздо меньше.

Алый шар над головой Стража полыхнул ярким сплохом и угас. Железная супница снова заскрежетала, поворачиваясь, желтый дым почти исчез, и стали видны багровые точки в круглых глазницах. Из неподвижного рта долетел слабый голос, похожий на птичий клекот:

– Вас примут.

Сообщив это радостное известие, монстр попятился, налетел спиной на камень, выпустил из всех трех дырок густые желтые клубы и удалился в свое убежище – все так же спиной вперед.

– А что, колдун мог бы не принять шахсара Эль-Мехема? – спросил Бравгард, когда кони прошли добрую сотню шагов и безмолвный истукан исчез за поворотом скалы.

– Теоретически, – хохотнул Дастан, – но кто же откажется поболтать с таким приятным собеседником, как я? Кстати, вот и наш радушный хозяин!

Впереди, возле черного отверстия в скале, скрестив на впалой груди сухие длинные руки, величественно ожидал их приближения стигийский маг App-Магарбан-ин-Баррудэд-Хатта-Оммон собственной персоной.

ГЛАВА 2

Предание Эль-Мехема

Легенда гласит, что долина Мехем-Ту, лежащая между отрогов гор Тайдук-Нубас как раз на границе между Вендией и Косалой, была некогда цветущим садом, благословенным оазисом среди голых скал. Рассказывают также, что в давние времена мехараджуб Вакришамитра построил в этом уединенном месте город и назвал его Эль-Мехем, что значит «Поселение Сокровенной Долины». Здесь, за высокими зубчатыми стенами, под охраной восьми высоких башен, на которых день и ночь несли стражу доблестные кшатрии в сверкающих островерхих шлемах, среди пышных дворцов и тенистых парков, владыка отдыхал от важных государственных дел, коими вынужден был заниматься в своей резиденции в столице Вендии. Наслаждаясь журчанием фонтаных струй, пением и танцами многочисленных гурий, мехараджуб предавался возвышенным размышлениям о странности всего земного, сочинял стихи и перебирал струны ситара, пока не наступала пора вернуться в блестательную, но суэтную Айодхью, чтобы разоблачить очередной заговор, посадить организаторов на колья или растоптать слонами, а затем предать огню и мечу княжества непокорных раджубов.

Легенда гласит, что однажды, когда Вакришамитра сидел под тенистым фиговым деревом в обществе шести наложниц, прекрасных, как розы весенней ночью, явился ему во всем своем грозном величии сам Асур – Царь Небесный. Огненная колесница, запряженная шестью острокрылыми птицами с женскими лицами, опустилась в долину Мехем-Ту среди страшного грохота и языков пламени, погубивших оазис, но не тронувших города. Владыка же Небесной Тверди и Круга Земного приступил к мехараджу, озадачив последнего такими речами:

«Несчастный, ничтожный и пребывающий в слепоте, – сказал Асур, – жалок удел твой! Повелевая многими, ты не властвуешь над собой, оттого твои поданные пребывают в вечном страхе и неуверенности и стали забывать меня, своего истинного повелителя. Ты же, уединяясь среди садов, не можешь сполна насладиться их тенью, и плоды древесные не в силах тебя насытить!»

Надо сказать, что Вакришамитра мало что понял из этой грозной речи. Поданные исправно платили налоги, славили мехараджу и усердно молились в храмах. Плоды древесные, зреющие в садах Эль-Мехема, были сочны, вкусны и насыщали не хуже мяса молодых ланей, павлиньих языков и мозгов живых обезьян. Однако мехараджуб не осмелился спорить с богом, чей лик сиял ярче сотни солнц, а голос гремел, подобно тысячам боевых труб.

«Ты должен вступить на Тропу, – проревел Асур, – нельзя вечно стоять в двух лодках! Когда рыба поймана – сеть выбрасывают! Встань, умри иди прочь!»

Странны и непонятны были речи Царя Небесного, но тут от мощных раскатов его голоса фиговое дерево затряслось, и несколько плодов упало сверху, пробольно стукнув мехараджу по темени.

Легенда гласит, что в тот же миг Вакришамитра понял очень многие вещи, которые безуспешно пытался потом втолковать ученикам на протяжении всей своей жизни (например, почему надо выбрасывать сеть и как можно, умерев, все же куда-то идти).

Бывший мехараджуб послушался Асур и немедленно удалился в горы, где двадцать лет и три года питался одними акридами и диким медом. Прекрасные наложницы последовали за своим господином и стали его первыми слушательницами, положив начало до сих пор существующей секте вакришамитов. По-другому эти люди именуются фигиатами – в честь дерева, плоды коего оказали на основоположника движения столь благотворное воздействие. Фигиаты живут в горах и диких джунглях, подолгу сидят со скрещенными ногами на голой земле и всегда имеют ровно по шесть жен, с коими вступают в сношения исключительно ради продления колен своих.

Легенда умалчивает, кто первым проник за стены города, много веков пребывавшего в запустении, ибо, после исчезновения мехараджуба, его законная супруга, разыскав покинутое убежище мужа, предала Эль-Мехем разграблению. Не помогли никакие ссылки на явление грозного бога: вельмож частью удавили, частью растоптали слонами, людей попроще посадили на кол или повесили на крючья возле Балдахских ворот. Не одну сотню раз проливались дожди и выгорали листья в межемских садах, пока наконец безымянные искатели счастья вновь обосновались за его стенами.

Скорее всего, это были беглые рабы из Косалы и представители низших каст из Вендии. Гонимые и преследуемые, они укрывались в горах Тайдук-Нубас и в один прекрасный день вновь открыли долину Мехем, о которой к тому времени все давно позабыли.

Некоторое время городу удавалось существовать автономно, пока о нем не проведали власти двух сопредельных держав. Тогда в Эль-Мехем прибыли сразу два наместника – косальский и вендейский. Жителям не нужен был ни тот, ни другой, поэтому хитрые и коварные межемцы поначалу закатили пир в честь новоприбывших, а ночью перебили отряды и зарезали несостоявшихся губернаторов.

Вендейцы решили, что виной случившемуся интриги косальцев, последние обвинили во всем вендейцев. Между двумя странами разразилась война, длившаяся семь лет. Эль-Мехем неоднократно переходил из рук в руки, пока жителям это не надоело и они не подняли восстание.

Возглавил его храбрый и жестокий Хеир-Эддин, бывший косальский раб, одноглазый и уродливый, как запечный кобольд. Сей вождь предложил вендейцам свои услуги в борьбе против косальцев, а тем – вечный союз против вендейцев. Отлично зная окрестные горы, он заманил соперников в узкие ущелья, где кшатрии и янпачи погибли под лавинами камней, сброшенных сверху межемцами.

Одержав столь славную победу, Хеир-Эддин повелел ставить на краю долины сторожевые заставы, дабы стеречь все горные проходы, однако последних было так много, что сие предприятие не увенчалось успехом. Горы Тайдук-Нубас – всего лишь жалкая насмешка над величественными вершинами Химелии, лежащими далее к северу, так что Эль-Мехем еще не раз становился добычей врагов, которые всегда находили неохраняемые проходы, через которые делали частые набеги и потом возвращались домой, обогащенные трофеями и исполненные презрения к обитателям Сокровенной Долины.

Впрочем, владыки Вендии и Косалы отказались от прямого владения Эль-Мехемом, смекнув, что гораздо выгоднее позволить жителям богатеть за счет целебных вод, добываемых из-под земли прямо в городе (считается, что это – дар Асур, оставленный межемцам взамен сожженных огненной колесницей виноградников), и получать от них щедрую дань. Владыки только посмеивались над тщеславием межемских князьков, гордо именующих себя шахсарами, то есть «властителями, угодными богам». Князья Эль-Мехема,

ведущие род от ничтожного раба, были скорее угодны Венции и Косале, чем небожителям.

Последний мхемский шахсар, носивший в себе частицу крови Хеир-Эддина, звался Агиб-Абу и отличался крайней, доходившей до судорожных приступов трусостью. Шесть человек должны были попробовать кушанья, прежде чем те отправлялись в утробу мхемского повелителя. Кольчужную рубашку он всегда носил под халатом и не снимал ее даже в постели. Помимо иранистанских наемников-янпачей, Агиб-Абу окружил себя черными рабами-телохранителями, а немой шемит Махра, славившийся умением всаживать метательный нож в мууху за пятнадцать шагов, сопровождал господина и в женские спальни, и туда, где любой нормальный человек предпочитает восседать в полном уединении. Когда в горной долине объявился отряд немедийских наемников, бежавших от преследований через Гирканские степи на юг, Агиб-Абу, пораженный искусством, с которым северяне владели тяжелыми прямыми мечами и невиданными доселе арбалетами, сдуру нанял воинов удачи себе на службу...

Это стало последней ошибкой в его жизни. Воспользовавшись недовольством части вельмож, сметливый Дастан по прозвищу Лис явился в сопровождении стрелков в шахсарскую купальню и наглядно продемонстрировал умение своих людей поражать плавающую цель. Черные телохранители, вспомнив старые обиды, тут же перешли на сторону восставших, а так и не успевший метнуть ножи, предусмотрительно накрытый проволочной сетью немой Махра присоединился к ним после недолгих, но весьма плодотворных размышлений, суть коих он, естественно, никому не мог поведать.

Десять дней и ночей продолжался пир в огромном шахсарском дворце. Льстивые мхемцы наперебой славили достойнейших Абу-Дастана и сотоварища его Бравгарда-нэмэ. Достойнейшие Дастан и Бравгард, по которым плакали палачи Бельверуса, Тарантии, Шамары, Кордавы, Мессантии, а также десятка других городов и весей, пили сладкие вина, закусывали черепашьим супом и солеными петушиными гребешками, купались в фонтанах и ломали мебель. Остальные наемники им усердно помогали. В промежутках между этими веселыми занятиями немедийцы сравнивали достоинства шахсарских наложниц, чтобы затем поделиться впечатлениями. Поделившись, менялись женщинами, бурно выражавшими восторг, ибо все они почти забыли, что такое мужская ласка: покойный Агиб-Абу был хоть и не стар, но мало на что годен и пользовался наложницами исключительно в качестве грелок.

Выпив большую часть винных запасов и сокрушив все, что можно было сокрушить, Дастан и Бравгард отправились осматривать дворцовые подвалы, прикидывая, сколько лошадей потребуется, чтобы вывезти золото и драгоценности. Оставаться в Эль-Мхеме они не собирались, справедливо полагая, что, как только слухи о перевороте дойдут до ушей властителей Венции и Косалы, извечные враги объединятся, дабы навести порядок и покарать дерзких пришельцев.

Золота и драгоценностей в подвалах оказалось пруд пруди, так что и думать было нечего забрать с собой все сокровища. А в дальней камере за внушительной бронзовой дверью друзья обнаружили нечто, полностью изменившее их первоначальные планы. Во всяком случае, планы Дастана.

Это был худой голый стариk, прикованный к стене железными цепями. Длинная седая борода покрывала его впалую грудь, лицо, укraшенное длинным крючковатым носом, носило все признаки необыкновенной старости. В углу стоял затянутый паутиной посох и валялась одежда, сорванная с узника.

Поначалу воины решили, что стариk мертв, но тот вдруг открыл глаза и вперил в

немедийцев дикий и пронзительный взор.

— Вы должны меня освободить, — сказал он глухим скрипучим голосом, не прося, но утверждая эту необходимость.

— Кто ты? — спросил Дастан, пораженный тем, что монхи ожили и даже разговаривают.

— App-Магарбан, стигийский маг, — отвечал узник надменно. — А ты — рыцарь Дастан Толстый по прозвищу Лис. Сними с меня цепи.

Но осторожность уже взяла верх над удивлением, и бывалый авантюрист не стал торопиться с освобождением волшебника. Для начала он вступил со стигийцем в длительные переговоры, велев предварительно Бравгарду посторожить за дверью. И, как ни прикладывал тот ухо к тяжелой толстой створке, ничего не смог услышать: о чем говорили рыцарь удачи и стигийский колдун, так и осталось тайной.

К удивлению межемцев и собственных воинов, Дастан не только освободил колдуна, вернув ему платье, посох и мешок старых рукописей, но и предложил стигийцу кров и стол, от которых старик гордо отказался. Впрочем, чародей утверждал, что не высокомерие тому причиной, а, напротив, обет смирения, который он принес, покидая пределы родной Стигии. Таково якобы было условие, поставленное его мрачными учителями, прежде чем ему дозволили идти на все четыре стороны. Потому и не воспользовался он тайной силой, когда коварный Агиб-Абу, поначалу оказавший усталому путнику гостеприимство, вероломно заключил его в темницу, тщась поставить могущество чернокнижника себе на службу.

Столь же неожиданным было решение Дастана обосноваться в Эль-Мехеме и занять престол. Придворные не осмелились роптать, рассудив, что сильный правитель лучше слабого, а какая кровь течет в его жилах — не так уж важно. Тем более что сами они вели род от косальских рабов и вендейских париев.

Наёмники тоже не выразили особого сожаления, что отъезд откладывается на неопределенное время. Все они получили свою долю межемских сокровищ и могли наконец наслаждаться жизнью, купив удобные дома и сговорчивых женщин. Ворчал поначалу только Бравгард, но и его честолюбие было удовлетворено: Дастан назначил старого приятеля главнокомандующим небольшим, но свирепым отрядом янпачей, охранявших резиденцию шахсара.

Маг удалился в предгорья Тайдук-Нубас — дабы, как было объявлено, предаваться в полном уединении своей колдовской науке. Вслед за чародеем ушел караван, нагруженный тюками, сундуками и мебелью, купленной на шахсарские деньги у заезжих купцов. Вслед за караваном отправились полсотни искусных мастеровых, выбранных между иранистанскими невольниками.

С тех пор прошло больше месяца — ни верблюдов, ни мастеров больше никто не видел. Дружина Дастана и отряд янпачей во главе с Бравгардом отразили несколько нападений небольших разбойничьих ватаг, водрузив головы поверженных врагов на кольях посреди рыночной площади. Горожане восприняли эти победы без особой радости: доходили слухи, что в Косале и Вендии собирают большие войска, дабы идти на Эль-Мехем. Вельможи втайне прикидывали, послужит ли голова Абу-Дастана, преподнесенная на блюде владыкам двух сопредельных держав, достаточным оправданием их участия в мятеже против законного шахсара. Народ попроще ночами прятал добро в укромных местах.

И те, и другие проклинали колдуна, чье внезапное явление из сырых подвалов дворца укрепило немедийского авантюриста в крамольной мысли отбить нападение двух огромных армий и навсегда утвердиться на троне маленького княжества, затерянного среди гор.

ГЛАВА 3

Серебряный всадник

App-Магарбан молча провел гостей в свое убежище. Пещера была огромна. Мастеровые одели каменные стены богатейшей штучной резьбой и устроили жилище мага так, что в нем мог бы разместиться кто-нибудь поважней простого пустынника. Посредине залы был устроен обширный бассейн, в котором плескалась чистая вода, питаемая подземными источниками; несколько пышных деревьев росли по его краям, а под деревьями стояли глубокие резные кресла, покрытые мягкими шкурами пятнистых леопардов.

Высокий свод был пробит – сверху лился мягкий солнечный свет, не жаркий, как снаружи, а теплый и ласковый. Ночами App-Магарбан мог наблюдать сквозь круглое отверстие звезды и сверять с ними свои планы. Под потолком залы виднелись бесчисленные магические знаки и фигуры, а вдоль стен располагались столы, заваленные непонятными инструментами, и какие-то хитрые сооружения пугающего вида.

– Садитесь, – молвил волшебник, небрежно махнув в сторону кресел. Дастан и Бравгард устроились на леопардовых шкурах, чернокнижник уселся напротив, благосклонно кивая длинным носом. Безмолвный Махра поместился за спиной хозяина, настороженно поглядывая на колдуна.

– Пребываешь ли ты в здравии, уважаемый Эд-Хатта-Оммон, и благоприятно ли сегодня расположение звезд для нашей беседы? – спросил шахсар, снимая пропыленный головной убор и оглаживая короткую черную бороду.

– Расположение звезд благоприятно, о повелитель, что же до моего здравия, оно в последнюю сотню лет остается все тем же. Я не могу обратить время вспять, но способен замедлять его бег. Слишком поздно открыл я тайну эликсира, продlevающего жизнь, так что остается лишь поддерживать старость, скорбя об ушедших годах...

– Многие отдали бы за подобную возможность все сокровища и левую руку в придачу! – воскликнул Дастан почти искренне. – Свет солнца все же лучше, чем вечные сумерки на Серых Равнинах.

Стигиец молча пожевал тонкими сухими губами, потом сказал:

– Не станем сейчас говорить об этом. Повелитель, твоё великолодушное гостеприимство тронуло меня, и я все время размышляю о том, как бы отблагодарить тебя. Признаюсь, обещая свои услуги там, в мрачном подземелье, я представлял довольно смутно, каким магическим средством воспользоваться, дабы обеспечить защиту твоему княжеству. Эта мысль не давала мне покоя ни днем, ни ночью, и здесь, в мрачном уединении, я размышлял, не давая себе отдыха...

Он замолчал и уставился куда-то в пространство.

– Мн-э-э... – протянул Дастан, почувствовав, что пауза затянулась. – Кажется, ты говорил что-то о золотом петухе.

Старый волшебник пропустил его слова мимо ушей и торжественно продолжил:

– Много удивительного я видел уже в прошедшем, но никогда никакое чудо не возбуждало во мне такого удивления, как творение одной чародейки в плодоносном оазисе на юге Стигии. На вершине горы, с которой взор проникает даже за границы Дарфара, во времена давно минувшие, видел я медного овна, на котором сидел золотой петух с

развернутыми крыльями, когда же враги приближались к городу, пел он как живой, и жители, предуведомленные этим чудом, всегда имели время принять нужные предосторожности.

— Клянусь забралом Мардука! — воскликнул Абу-Дастан. — Конечно, подобный страж был бы для меня важнее целого войска, всех богатств Вендии было бы недостаточно для вознаграждения того, кто снабдил бы меня подобным талисманом! Если бы Эль-Мехем обрел подобное диво, мы могли бы направлять силы туда, откуда грозит опасность. Но, помнится, ты обещал как раз...

Стигиец снова перебил его, словно не слыша.

— Некогда я тайно укрылся между мудрецами, которые, вдали от треволнений света, предавались изучению тайных наук. Они посвятили меня в свои священнодейства, и я не щадил живота своего, чтобы проникнуть в самый сокровенный смысл их тайнств. Однажды, когда, сидя на берегу Стиksа, я рассуждал о важных предметах с одним из этих тайных учителей, собеседник мой протянул руку к гигантской пирамиде, бросающей на пустыню необъятную тень, и молвил: «Все, чему я могу научить тебя, ничто в сравнении с тайнами, погребенными под этими древними камнями. Эта пирамида стоит здесь со времен Ахерона, и в ее центре есть таинственный склеп, служащий могилой мумии одного жреца Змея Вечной Ночи, управлявшего некогда сооружением этого колосса. Мне ведомо, что могила эта скрывает свиток всемогущей магии. Сей манускрипт был завещан самим Сетом своим первым адептам и переходил из рук в руки, пока не нашел вечный покой в склепе пирамиды».

Едва только выслушал я слова мудреца, сердце мое воспыпало неодолимым желанием добыть эту чудную книгу. Я собрал несколько человек, и мы принялись рыть подземный проход, в надежде, что он приведет нас в середину пирамиды. После долгих дней постоянного и утомительного труда мне удалось добраться до выхода тайного коридора, сообщавшегося с внутренностью древнего строения.

Я смело вступил в лабиринт переходов и проник наконец с неописуемым чувством страха и почтения в склеп, где много веков покоилось тело жреца, соорудителя этой мрачной гробницы. С величайшим почтением развязал я тесьмы, в которые была завернута мумия, и овладел бесценным свитком, лежавшим на груди ее. Едва присвоив себе это сокровище, я навсегда покинул страшное место...

— О почтенный сын Барруда из Хатта-Омона! — вскричал тут шахсар, опасаясь, что маг пустится в пространные описания своих долгих и утомительных странствий. Опасаться было чего: старик рассказывал свою историю при каждой их встрече с самого начала и каждый раз с новыми подробностями. — О светоч всех магических наук, кои только имеются в Трех Мирах! О любимец неба, а также тварей подземных! Твои странствования доставили тебе чудесные дары, перед тобой открыты сокровенные силы, удивляюсь тебе как мудрецу и чудодею, но скажи, ради всех демонов преисподней, помог ли тебе таинственный свиток решить нашу маленькую проблему?!

— Будь же терпелив, о шахсар, — несколько раздраженно отвечал чародей, — имей снисхождение к речам старших. Я с благоговением пересмотрел все записи, сделанные в манускрипте, доставшемся мне по воле судьбы. Я приобрел власть над силами, управляющими всеми явлениями Вселенной. И, хотя я дал обет смирения и клятву никогда не использовать тайные знания по собственному почину, раз ты меня просишь...

— Прошу! — вскричал Дастан, вскакивая. — Умоляю!

— ... Я исполню твое желание, — торжественно заключил маг.

Он медленно поднялся и поманил гостей за собой.

Они прошли вглубь залы, где оказалась маленькая дверца, столь низкая, что им пришлось согнуться, чтобы притиснуться внутрь. За дверцей обнаружилась винтовая лестница, уходившая вверх, в темноту.

Апп-Магарбан снова сделал приглашающий жест и, приподняв полы длинного одеяния, побежал по ступенькам с ревностью, которую трудно было заподозрить в столь почтенном старце. Немедийцы и немой шемит старались за ним поспевать, но вскоре отстали.

— Что скажешь, друг мой? — вполголоса спросил Дастан Бравгарда. — Если у нас будет такой страж, мы сможем превратить Эль-Мехем в неприступную крепость. Любое ущелье, куда сунутся супостаты, станет для них могилой: не придумали еще ковали такого щита или шлема, который устоял бы против доброго валуна, сброшенного с высоты полсотни локтей!

— Я бы не стал так уж верить стигийцу, — проворчал начальник янпачей, — язык у него на двоих, а что за той болтовней — Нергал ведает...

Когда они вышли через маленькую дверь на круглую площадку, залитую ярким солнцем, маг уже стоял там, скрестив по своему обыкновению на груди руки. Задрав голову, Апп-Магарбан смотрел куда-то вверх, и ветер, дувший с гор, разевал его длинную седую бороду, словно победный стяг.

Площадка была локтей пятнадцати в ширину, ее окружала невысокая каменная загородка, над которой кругом шел навес, крытый медными листами, сверкающими под лучами солнца не хуже золотых. В центре возвышался длинный шест, на конце которого виднелся флюгер, сделанный в виде серебряного всадника с поднятым копьем в руках.

— Вот, — чернокнижник указал на серебряного копьеносца, — вот то, что я исполнил.

— А где же петух? — невольно вырвалось у Бравгарда.

— Петух? Форма не имеет значения, о доблестный воин. Поясню на примере. Тебе, видимо, приходилось наблюдать, как дикий, одетый лишь в шкуры житель Астгарда одолевает закованного в броню, украшенного перьями рыцаря...

— Ну, это еще ведьма надвое сказала, — пробурчал немедиец, — ежели асиров дюжина, тогда может быть...

— Ну хорошо, — устало кивнул маг, — но если два рыцаря сходятся в поединке, совсем не значит, что одолеет тот, кто имеет на своем щите герб, изображающий петуха.

На сей раз Бравгард вынужден был согласиться. Ему самому не раз случалось отправлять на Серые Равнины раздетых в пух и прах вояк. В битве побеждает тот, у кого рука сильнее, а вовсе не обладатель толстого кошелька, способный купить красивый доспех и украсить щит замысловатым гербом.

— Так и мое творение, — заключил чернокнижник самодовольно, — я придал ему вид всадника, а не глупой птицы, тем не менее, этот волшебный флюгер укажет направление, откуда грозит опасность, не хуже талисмана стигийской чародейки. Как только неприятель вступит на тропу, ведущую к Эль-Мехему, всадник опустит копье и повернется в ту сторону... Но ты хочешь еще что-то сказать, о недоверчивый меченосец?

Последние слова он произнес крайне раздраженно и принял сверлить немедийца пронзительным взглядом.

— Хочу! — Бравгард вовсе не собирался уступать колдуна. — Как же повернется твой флюгер, когда ветер здесь постоянно дует с гор в сторону пустыни? Сейчас всадник указывает как раз в том направлении...

Стигиец пожевал губами.

— Вижу, — сказал он вкрадчиво, обращаясь к шахсару, — твой телохранитель крайне недоверчив. Это простительно для человека, редко сталкивавшегося с силой тайной науки. Что ж, я хочу преподать ему небольшой урок. Прикажи своему слуге, который не выпускает под своей одеждой рукоять хассака, метнуть в меня нож.

— Но, любимец неба... — начал было Абу-Дастан, однако маг топнул ногой и заявил, что не привык, чтобы в его доме гости осмеливались перечить.

Дастану ничего не оставалось, как согласиться.

— Пусть мечет по-настоящему и целит мне в горло! — властно приказал стигиец.

Махра сделал неуловимое движение, и лезвие хассака запело, рассекая знойный воздух. Но, как ни стремителен был бросок шемита, чернокнижник оказался проворнее. Он вскинул посох, который сжал в левой руке, что-то неярко полыхнуло, и тяжелый нож исчез, словно его и не было.

— Думаю, убедил вас, что не бросаю слов на ветер, который для меня столь же незначительное препятствие, как для храброго немедийского рыцаря — десяток-другой асгардских варваров.

С этими словами стигиец слегка кивнул Бравграду, давая понять, что больше не таит обиды на его давешнее недоверие.

— Ты убедил нас, светоч тайных знаний, еще как убедил! — воскликнул шахсар, восторженно глядя на застывшего серебряного всадника. — Теперь мы сможем всякий раз отправлять навстречу врагу наши войска с распущенными знаменами!

— Храбрость твоя достойна всяческих похвал, о шахсар, — молвил чернокнижник, — но ты забываешь, что армии Вендии и Косалы во много раз превосходят твои силы. Даже задержав их передовые отряды в ущельях, ты не сможешь противиться мощи боевых слонов или косальской конницы, когда их основные силы прорвутся в долину. Потом, у тебя будет слишком мало времени, чтобы подготовить войска: я сказал, что волшебный флюгер указывает на неприятеля лишь тогда, когда вражеские воины уже вступили на горные дефилеи...

— Тогда что проку в этой серебряной штуковине? — снова встярал начальник дворцовой гвардии.

— Прок можно извлечь даже из дохлой лягушки, если знать, как ею воспользоваться, — надменно усмехнулся маг. — Я был бы плохим учеником стигийских adeptov, если бы ограничился устройством флюгера, пусть и чудесного. Для тебя, о шахсар, спасший меня из мрачного заточения, у меня есть еще кое-что. Но стоит ли посвящать в тайну твоих телохранителя и слугу?

— Бравгард не только телохранитель и глава янпачей, — отвечал Дастан, — он — мой давний боевой сподвижник и друг. Если со мной что-нибудь случится, он займет мое место. Так что можешь говорить при нем без утайки. Что же касается Махры, шемит нем, как рыба, и предан, как собака. На всякий случай мы удалим его за дверь, и тогда послушаем, что ты нам еще подготовил.

Махра удалился. App-Магарбан подвел немедийцев к краю площадки, под крышу навеса. Здесь, через равные промежутки, были установлены двенадцать бронзовых досок. На них в боевом порядке, в виде полумесяца, располагались отряды конных и пеших воинов величиной с палец, искусно вырезанных из сандалового дерева. Возле каждой доски лежало небольшое копье, испещренное магическими знаками.

— Похоже на детских солдатиков, — недоуменно сказал Дастан, разглядывая деревянное

войско. – Ты предлагаешь нам сыграть в войну?

– Я предлагаю... – начал стигиец, но тут сверху раздался мелодичный перезвон, и серебряный воин медленно повернулся к западу, опустив свое длинное копье.

– Дамбаллах, – воскликнул чернокнижник, взмахивая посохом, – какая удача! На Эль-Мехем движутся войска косальцев!

Снова раздался перезвон, на сей раз тоном выше.

– Их восемь тысяч: разведывательные отряды уже вступили в Балдахское ущелье, за ними идут пешие лучники, далее – тяжелая конница, за ней – пехота, за пехотинцами следуют верблюды, нагруженные палатками, продовольствием и осадной техникой, едут в повозках лекари и маркитантки, а в арьергарде реет стяг военачальника, неустршимого Дальматина, окруженного своими янпачами...

– Удача?! – взревел Абу-Дастан, хватаясь за саблю. – Удача, говоришь ты?! Это гибель, а не удача! Но... Откуда тебе известно их число и даже боевые порядки?

App-Магарбан указал посохом на флюгер.

– Он сообщил мне. Перезвон, испускаемый чудесным всадником, имеет тайный смысл, но понимать его могу лишь я.

– Сет, Нергал и сын нергалий! Что же мы медлим? Надо предупредить дружину и уносить ноги, пока не поздно.

– Поздно. Отряды косальцев окружили долину и перекрыли все выходы.

Лицо Дастана помертвело.

– Ты знал об этом, проклятый колдун! Знал и заманил нас в ловушку...

– Прощаю тебе слова, сказанные в гневе, – поморщился маг, – но страх недостоин рыцаря удачи, тем более когда рядом стоит человек, познавший силу тайных учений. Сейчас я преподам урок надменным косальцам, а заодно и вам усомнившимся в моем могуществе и благодарности. Подойди сюда, о любимец богов, и удивляйся чудесам моей колдовской науки!

Сказав так, стигиец решительно шагнул к доске, смотревшей на закат, откуда накатывалась через горные проходы вражья сила, и решительно поднял испещренное магическими символами копье.

ГЛАВА 4

Сабля и шампур

Вазам Экатракан, пышнотелый холеный красавец в шитом золотой нитью кафтане и собранных в гармошку на голенях штанах-чудибрах, потянулся и с наслаждением зевнул.

Он стоял на ступенях дворца в Айодхье и смотрел в сад.

Вазам только что совершил утреннее омовение в яшмовой купальне, позволил массажисткам прогнать дрему из разомлевших на мягких перинах членов, а цирюльникам – расчесать бороду и уложить длинные, достигавшие плеч волосы красивыми волнами. Покончив с этими приятными делами, Экатракан надел перстни (по два на каждый палец), пристегнул саблю в роскошных ножнах и решил прогуляться в тени деревьев перед тем, как приступить к дневным заботам.

Огромные сады дворца дэви были прекрасны. Вазам любил гулять по запутанным дорожкам, наслаждаясь шепотом листвы и журчанием фонтанов, любуясь сказочной красотой цветов и мурлыкающей под нос вирши собственного сочинения. Ибо слыл он лучшим поэтом при дворе, и горе было тому, кто осмелился бы высказать сомнения по сему поводу...

Особенно вдохновляли Экатракана павлины, во множестве разгуливающие среди кустов и перелетающие с дерева на дерево. Хвосты их отливали в утренних лучах солнца всеми оттенками радуги; синие шеи, изящные головки с цветными хохолками, легкость полета – не было и не могло быть зрелища прекрасней!..

Если, конечно, не считать женщин. Вот уж ради кого вазам готов был отказаться и от созерцания великолепных птиц, и даже от сочинения стихов! А женщины на дорожках сада было не меньше, чем павлинов. Одетые в полуопарапные сари, а то и без оных, лишь с нитками тонко позванивающими колечек на бедрах, они, смеясь и болтая, прогуливались в сопровождении молчаливых евнухов, купались в прудах и плели венки, лежа на пахучих травах.

С тех пор, как пять лет назад умер старый мехараджуб, ставший жертвой заговора Черных Колдунов, наложницы лишились своего господина – теперь на престоле Вендии сидела женщина, красивая и властная дэви Жазмина, сестра покойного властителя. Впрочем, сие обстоятельство мало заботило одалисок: вазам и другие вельможи оказывали им достаточно знаков внимания. Евнухи же внимательно следили, чтобы красотки не приближались к мужчинам-париям, работавшим в саду: за подобное ослушание наложницу ожидала холодная яма, а работника – бассейн с голодными крокодилами.

Завидев стайку смеющихся девушек, вазам всплеснул руками и поспешил к ним с приторной улыбкой на устах.

– Дахана, цветок моего сердца, – поманил он стройное создание в голубой накидке, столь прозрачной, что упругие формы отчетливо и соблазнительно виднелись под тонкой тканью. – Приблизься, о серна моей души, дай бедному поэту насладиться созерцанием прелестей твоих!

Дахана приблизилась и охотно позволила любоваться собою, играво покачивая бедрами и поворачиваясь во все стороны.

– Всю ночь я думал о тебе, – соврал вазам, принимая томный вид, – и сердце мое пылало, словно сухой лист в печи. Твои глаза, как сливы, уста, как лалы, живот, как... э-э...

словом, послушай вирши, сочиненные в твою честь, о небесная дева!

Он принял напыщенную позу и прочел:

Прекрасна ты, как персик на ветвях,
Павлином гордым ты идешь, ступая
Ногою легкой, словно лепесток,
Трепещущий от теплого дыханья!

Экатракану стоило немало усилий заучить четверостишие, вычитанное в одной древней рукописи, и теперь он декламировал его всем женщинам, с кем намеревался провести ночь.

Дахана верно оценила намерения вазама и зарделась.

— О тигр среди поэтов, — сказала она, — все, что творишь ты в уединении по ночам, столь же совершенно, как цветок лотоса на зеркальной глади озера.

— А что я творю по ночам, когда не один! — Вельможа просто расплылся от самодовольства. — Приготовься же, о сахар моих губ, когда лик Сомы озарит куши, я приду. Пусть твои служанки достанут все необходимые приспособления любви: силы, вызванные лицезрением твоего совершенства, позволят мне совершить не один подвиг. А пока прощай, ягодка, меня ждут государственные дела.

Очень довольный собой, вазам зашагал дальше мимо великолепных ротонд и мраморных арок, мимо статуй многоруких богов, вдоль оросительных желобов, выложенных красной и зеленой мозаикой. Миновав пруд, на берегах которого безбоязненно вышагивали розовые фламинго, резвились ибисы и сидели зобастые пеликаны, Экатракан углубился в заросли олив и митровых деревьев, посаженных столь искусно, что можно было подумать, что находишься в настоящем лесу, хотя до зубчатых стен, ограждавших парк, было рукой подать.

Посреди зарослей находилась обширная низина, обнесенная мраморной балюстрадой. Среди зарослей клевера гуляли здесь ручные серны с небольшими изящными рожками — любимицы дэви Жазмины. Чуть дальше виднелась апельсиновая роща и розовые кусты, высаженные полукругом. Вазам с наслаждением втянул упоительный аромат растений: он всегда наслаждался чудной гармонией запахов в этом самом красивом месте дворцовых садов. Терпкий запах апельсинов, висевших среди синевато-зеленой листвы, как праздничные фонарики, пьянящий запах роз и... запах дыма!

Экатракан застыл, словно случайно натолкнулся на вход в преисподнюю. Из-за деревьев поднималась тонкая белесая струйка, исчезая в ярком солнечном свете. Дым! Кто-то жег костер в парке, и этот кто-то, будь он самим хранителем Большой Печати, заслуживал немедленной смерти!

Распугивая серн, вельможа ринулся через клеверную поляну и вломился в апельсиновые заросли с яростью взбешенного носорога. Однако, смекнув, что может спугнуть неведомого преступника, пошел тише, стараясь не ломать ветки, и вскоре оказался на краю прогалины возле стены, окружавшей парк.

Пылая праведным гневом, вазам раздвинул кусты и увидел сидевшего на корточках возле небольшого костерка полуголого человека. Спина его, бугристая мышцами, блестела от пота, а черные волосы были схвачены на затылке в пучок засаленной лентой.

Человек закусывал. И закусывал он не чем-нибудь, а мясом несчастной серны, бренные

останки которой лежали тут же на обагренной кровью траве. Рядом валялись большой нож и пара шампуров с нанизанными обжаренными кусочками.

Экатракан сидел в кустах, чувствуя бессильную ярость и горячий ком в горле. Если бы он не узнал святотатца, рискнувшего покуситься на ручное животное, то тут же зарубил бы его собственноручно. Ладонь вельможи судорожно сжимала рукоять сабли, однако клинок так и оставался в ножнах.

— Выходи, — сказал человек не оборачиваясь. — После поучишь через заросли лазать.

Экатракан собрал всю свою волю, гордо выпрямился и шагнул на прогалину. Черноволосый неторопливо обернулся.

— Эка! — воскликнул он, весело прищурив синие глаза. — Таракан!

Вазам застыл, уставившись на него в полном недоумении.

— Не гневайся, советник, — насмешливо прогудел пожиратель серны, — я все не могу запомнить твоего имени. Вот и решил называть тебя «эка-таракан». По-моему, похоже.

Он ухватил крепкими зубами кусок мяса, стянул его с шампура, который держал в огромных лапах, и принял с удовольствием жевать.

— Ты... ты... — Вазам почувствовал, что задыхается и не может вымолвить больше ни слова.

— Меня зовут Конан-киммериец, — сказал здоровяк с набитым ртом, — если ты забыл. Хватит глаза таращить, присаживайся, свежатинкой угощу.

В душе вельможи боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, перед ним был не кто-нибудь, а фаворит Жазмины, пожалованный дэви званием придворного раджиба. Сей варвар некогда был вождем диких афголов, врагов вендицийцев, но показал Жазмине важную услугу, когда ее брат стал жертвой Черных Колдунов. Киммериец спас дэви, похищенную чародеями, и возвратил ей свободу. А значит — трон. Спустя какое-то время он снова появился в Айодхье и был отправлен Жазминой на юг с каким-то поручением.

Вернувшись с немалыми богатствами, но, кажется, не полностью выполнив задание, северянин тем не менее принят был милостиво и задержался при дворе, пьяниствуя и развлекаясь с наложницами к немалому, но тщательно скрываемому возмущению знати. И вот докатился до убийства беззащитной серны!

Одно это достойно было самого сурового наказания. И потом, этот дикарь посмел назвать его, вазама, ведущего свой род от боковой ветви самого Вакришамитры, тараканом! Оскорблениесмывающее только кровью.

— Как смел ты... — выдавил Экатракан, намереваясь дать наглецу достойную отповедь, но в горле у него засипело, и речь прервалась, так и не начавшись.

— Если ты имеешь в виду серну, — небрежно сказал варвар, — думаю, Жазмина не обидится. Меня тошнит от изысков вашей кухни, а хорошо прожаренный кусочек, да еще с хрящами и жилами, просто клад для моего желудка. Правда, хрящи и жилы слишком мягкие...

Вазам тем временем наконец овладел голосовыми связками.

— Ты назвал меня тараканом, презренный...

— Да ну? — изумился киммериец. — Когда?

— ... и должен смыть оскорбление своей черной кровью!

С этими словами вазам потянул из ножен длинную, украшенную изысканной чеканкой саблю.

Конан не двинулся с места: все так же сидел на корточках, дожевывая последний кусок с

шампур.

– Защищайся! – прохрипел Экатракан, становясь в позицию. – Я не стану тебя убивать, только проучу!

– Черной кровью, – пробормотал варвар, покачивая головой, – надо же... Ну да ты, слыхивал, рифмоплет, любишь говорить красиво. А что, таракан, не глянуть ли мне, какого цвета у тебя печень?

Вазам зарычал и ринулся на обидчика. Гнев заставил вельможу окончательно забыть об осторожности. Он готов был изрубить нахала на куски, даже если потом дэви обрушит на его голову свою немилость. В победе Экатракан не сомневался: в поединках, случавшихся между придворными, когда соперники дрались на деревянных саблях, он всегда одерживал верх. Сейчас сабля в его руках была настоящая, острая, из отличной даманской стали, а под рукой северянина был только нож.

Однако Конан к нему так и не прикоснулся. Вскочив, он легко отбил шампуром яростный выпад и пренебрежительно сплюнул.

– Шел бы ты к себе, – процедил киммериец, – зубы почистил. А то потускнеют.

Он снова ударил в самое больное место вельможи. Зубами своими Экатракан по праву гордился. Зубы у него были крупные, ровные, выкрашенные в шесть разных цветов – по числу птиц, запряженных в небесную колесницу Асуры. Когда вазам улыбался, рот его блестал, словно наполненный драгоценными камнями.

На этот раз было не до улыбок. Экатракан снова взмахнул саблей, и снова стала клинка ударила о железо шампура, который на сей раз не выдержал и погнулся.

– Сила есть – ума не купишь, – ослабился Конан. – Ты что, дурень, смерти ищешь?

Он проворно подхватил с травы еще одну шпажку для нанизывания мяса и, орудя согнутым шампуром как крюком, а вторым – как настоящей шпагой, вступил с придворным советником в скоротечный поединок.

– Кто наврал, что ты умеешь драться? – фыркал варвар, отбивая выпады и наступая. – Льстивые ублюдки просто ложатся под тебя, чтобы заслужить милости! Ого! Это уже лучше! Хочешь я тебя натаскаю, таракан? Это, конечно, потруднее, чем сочинять стихи, но возможно. Ну хватит, ты мне надоел, пора заканчивать, а то мясо простынет!

С этими словами киммериец зацепил согнутым шампуром предплечье противника и сильным ударом по запястью выбил из его руки саблю.

Охнув от боли и обиды, вельможа выхватил кинжал, замахнулся...

– Стой! – истошно завопил Конан, указывая на его лицо.

Рука с кинжалом застыла в воздухе.

– Что?! – в ужасе выдохнул вазам, более всего гордившийся своей смазливой физиономией.

– Зуб! Синий зуб! Он подгнил!

И, сделав стремительный выпад, варвар ткнул острием шампура под верхнюю губу Экатракана.

В голове вазама лопнул огненный шар и, отняв ладони от лица, он с ужасом увидел изумрудно-зеленый клык, плавающий в луже темно-красной крови.

– Следующим будет желтый, – пообещал варвар, опуская свое импровизированное оружие. – Если не угомонишься.

Такого позора вазаму не приходилось испытывать никогда. Горестно подывая, незадачливый рубака опустился на землю, не отрывая взгляда от своих окровавленных

ладоней. В трех перстнях на его пальцах хранились быстродействующие ядовитые зелья, и в голове Экатракана промелькнула мысль тут же свести счеты с жизнью. Единственное, о чем он сожалел в этот миг, было отсутствие письменного прибора, чтобы оставить стихотворную записку, объясняющую его смерть достойными причинами. Неизлечимым заболеванием верхней челюсти, например.

— Да брось ты убиваться, — услышал он голос варвара сквозь звон в ушах, — зубом больше, зубом меньше... Зато через дырку удобно сплевывать, когда обожрешься. Я на тебя не нападал, ты первый полез. И, заметь, кишок тебе не выпустил, поучил только немного. И то сказать, разбей я твою башку, кто бы стал о делах государственных петься? Дэви тебя ценит. Да вон мальчишка через кусты лезет, не иначе по твою душу.

И правда, из зарослей явился запыхавшийся посыльный. Вазам успел прикрыть рот платком, а Конан отбросил шампуры и подобрал его саблю.

Юный скороход, выпучив глаза, взирал на открывшуюся картину. Только что евнух Суппра указал ему, куда удалился Главный Советник вендийского двора, и что же? Вот он, советник, сидит на земле, рот зажимает. А рядом этот страшный северянин зубы скалит и саблей мертвую серну тыкает...

— Закрой рот, — сказал страшный северянин. — Жазмина послала?

Мальчишка решил сохранять невозмутимость, как требовал того от слуг придворный этикет, приосанился и объявил:

— Дэви Жазмина, властительница Вендии, Химелии и всех земель, дарованных ей богами, немедля требует к себе господина Главного Советника и раджиба Конана-киммерийца.

И, сделав большие глаза, многозначительно добавил:

— В дарбар требует, не куда-нибудь!

ГЛАВА 5

Совет

Дарбаром именовался большой зал, где высшие сановники государства собирались на совет. На сей раз Конана и Экатракана встретила одна дэви, если не считать двух глухонемых телохранителей, покорно потевших за изголовьем ее кресла. В зале было жарко и тихо.

Завидев вазама, прижимавшего к губам окровавленный платок, Жазмина немедля пожелала узнать причину столь странного вида своего первого сановника. Экатракан только промычал что-то невнятное.

– На него напала взбесившаяся серна и боднула рогом, – объяснил варвар, без приглашения усаживаясь на низкий диван. – Пришлось ее зарезать.

– Серна?! – воскликнула Жазмина. – Ты не путаешь? Мои серны ручные, и не было случая, чтобы они причиняли кому-нибудь вред.

– Значит, это первая. – Киммериец поджал ногу и поковырял Пальцем в зубах. – Вели слугам хорошенко за ними присматривать.

– Я, конечно, сделаю, как ты советуешь, но ответь мне, раджиб, отчего так блестят твои губы?

– От жира, о проницательнейшая из владельниц, от жира, текущего с обжаренных, шкворчащих, восхитительных кусочков мяса! После того как я одолел оголтелого зверя, мы с Экатраканом развели костер и подготовили отличную бастурму. Не оставлять же тушу на растерзание воронам! Вазам, правда, есть не мог, а я подкрепился.

– Это правда, Экатракан? – спросила дэви вельможу.

Несчастный советник только кивнул, рассудив, что внезапно спятившая ручная серна все же менее унижает его достоинство, чем шампур варвара.

– Надеюсь, ты сможешь говорить, когда я спрошу твоего совета, – сказала Жазмина, пряча улыбку.

– Я потерял только один шуб, – с достоинством отвечал вазам, – и готов, как прежде, дать тебе любой шовет, какой только попрошишь!

– Всему свое время. – Дэви жестом приказала вазаму сесть. Тот устроился на противоположном краю дивана – подальше от Конана.

– Я пригласила вас двоих, – молвила владельница Вендии, – дабы обсудить дело, не требующее отлагательства. Из княжества Эль-Мехем, лежащего за горами Тайдук-Нубас, прибыли послы и требуют незамедлительной аудиенции.

– Так в чем же дело, – зевнул Конан, не прикрывая рта, – прими их, и дело с концом.

Вазам поморщился – то ли от зубной боли, то ли возмущаясь грубоści варвара. Однако Жазмина и бровью не повела: манеры киммерийца ее, казалось, забавляли.

– Ты, Конан, у нас недавно, и, видно, не знаешь, о чем идет речь, – сказала она терпеливо, словно втолковывала малому ребенку очевидные вещи. – Княжество это мало, и войском сколько-либо значительным не обладает. Когда-то мехемские шахсары, именующие себя так более по неуемному честолюбию, нежели общему признанию, умели ладить с соседями. Но четыре сезона дождей назад в единственном городе княжества произошла смута, и с тех пор...

– Знавал я одного мехемца, был у меня в вагаге, – перебил речь дэви грубый варвар. –

Паршивый, надо сказать, человечишко, лживый и трусливый, как шакал. Пришлось содрать с него кожу и повесить сушиться на тамариске.

Вазам вздрогнул и плотнее прижал платок к губам.

— А я думала, такое проделывают только дикие афгулы, — усмехнулась Жазмина.

— Ты забыла, что я был их вождем. Впрочем, запамятаовал, я, кажется, просто вырезал ублюдку печень.

Конану было скучно. Ему было скучно с тех пор, как он вернулся из Гадхары, где испытал немало передряг и сподобился даже предстать перед лицом самой Богини Смерти — кровожадной Хали. До сих пор в груди его поднимался холод, когда пронзительный взгляд богини, обратившейся в кобру, являлся ему во сне. Взгляд, несущий гибель... или бессмертие.

Все это осталось позади и, слоняясь по садам дворца, деля ложе с Жазминой или, втайне от дэви, с одной из ее придворных хаджибок, задирая трусливых придворных и пьяниствуя, к их глубокому возмущению, с париями-садовниками, варвар все более склонялся к тому, что жаркий и влажный климат Вендии ему порядком надоел. Из Кофа доходили слухи, что там готовится большая заварушка, и киммериец собирался податься туда в ближайшее время — навстречу новым приключениям.

А тут — какие-то ничтожные мхемцы...

— Если ты не будешь меня перебивать, мы быстрее доберемся до сути, — услышал он мелодичный голос Жазмины, в котором на сей раз прозвучали гневные нотки. — И возьми на том столике зубочистку, если уж хочешь воспользоваться привилегиями фаворита и ковырять в зубах в присутствии дэви. Я готова простить тебе многое за прежние заслуги, но, если ты станешь плевать на пол и рыгать в присутствии послов, как в прошлый раз, я рассержусь.

— И скормишь меня голодным крокодилам, — пробурчал варвар, но зубочистку взял.

— Четыре года назад, — продолжала Жазмина, — престол Эль-Мехема захватил какой-то немедийский рыцарь...

— Немедиец?! — воскликнул Конан, забыв о предупреждении дэви. — Откуда он взялся?

— Думаю, оттуда же, откуда и ты — с севера. Говорят, он отважен и не глуп.

— А если не глуп, отчего польстился владеть страной, которую каждый может захватить?

Ведь ты говоришь — войска у него нет...

— Так доносят лазутчики. Однако четыре года назад немедиец разгромил армию косальцев численностью в восемь тысяч человек.

— Это как же?

— Выставил против них десять тысяч конных янпачей и в половину — пеших лучников.

— Призвал наемников?

— Княжество Мехем лежит между Вендией и Косалой, и, чтобы в него проникнуть, нужно пройти через территорию одной из этих стран. Передвижение такого огромного войска не осталось бы незамеченным.

— Думаю, щедешь не обошлось без колдовства, — подал голос вазам.

— Теперь я припоминаю, — сказал Конан, щелчком посыпая зубочистку прямо в нос одного из телохранителей, — три дня назад повстречал я в местной харчевне одного афгула. Мы были когда-то знакомы. Бедняга совсем сдал, побирается на рынках. Напоил его вином, разговорились.

Он поведал, как с год назад ходил в набег на этот самый Мехем. Ужасы какие-то рассказывал. Говорил, будто бы против их банды вышло многотысячное войско с

развернутыми знаменами и всех порубило. Он один спасся, в плечо стрелой раненный. Наконечник показывал – на память о той переделке хранит. Наконечник от афгульской стрелы. Я думал, спяну заливает. И то сказать, кому придет в голову выставлять против банды афголов регулярное войско, да еще под стягами?

– Твой знакомый – не единственный, кто рассказывает подобные вещи, – кивнула Жазмина. – После гибели своей армии косальцы больше не ходили в долину, но мелкие шайки не раз пытались овладеть Эль-Мехемом. И всякий раз терпели сокрушительное поражение. Немногие оставшиеся в живых тоже твердили о многотысячном войске, но им никто не верил.

– Колдовство, как ешь колдовство! – снова воскликнул Экатракан, вскакивая и размахивая руками. – Морок то, а не войшко!

– Хорош морок, который рубит насмерть и стрелы посыпает, – хмыкнул киммериец. – Вот только отчего знакомец мой наконечник от афгульской стрелы хранит – непонятно. У янпачей и косальских лучников стрелы другие.

– То, что здесь замешана магия, мне доподлинно известно, – сказала дэви. – Не смотри на меня так недоверчиво, киммериец, я все же правительница великой державы, а не просто женщина, с которой… – Она осеклась и быстро глянула на советника.

– Великая женщина, – кивнул северянин совершенно серьезно.

– При дворе Эль-Мехема у меня есть свой человек. Он доносит, что немедиц снюхался со стигийским колдуном, который построил в предгорьях башню, а на вершине установил магический флюгер в форме всадника с копьем в руке. Копье указывает направление, откуда можно ждать незваных гостей.

– Но это не объясняет, откуда у немедица многотысячное войско.

– Не объясняет. Что скажешь, вазам?

Экатракан приосанился и изобразил на лице глубокую задумчивость. Потом изрек:

– Думаю я, о правительница, что никакого войшка вовсе нет. Это либо морок, либо демоны, принявшие обличье воинов.

– А ты что скажешь, раджи Конан?

– Думаю я, о правительница, – передразнил вазама киммериец, – что вызвать из преисподней сотни тысяч демонов по силам разве что самому Нергалу. Но правитель Серых Равнин не стал бы заботиться о безопасности какого-то ничтожного княжества. Не может армия немедица быть и миражом. Миражи – это бесплотные видения и не могут причинить вреда. Тут есть два объяснения. Либо все байки о силе великой рассказывают побежденные, чтобы спасти свое самолюбие, либо – стигийский маг сумел провести наемников в Мехем незаметно, пользуясь колдовством. А что доносят твои шпионы?

Жазмина задумчиво помолчала, поигрывая золотыми браслетами на тонком запястье.

– Мои люди смогли обнаружить только волшебный флюгер. В единственном городе княжества сидит дружина немедица, дворец охраняют иранистанские янпачи. Никто не видел большого войска, разве что оно укрыто в горах.

– Но в горах слишком шухо и ветreno! – напомнил вазам.

– Они могли устроить пещеры, – сказал Конан.

– Могли, конечно, – согласилась дэви, – но растительность там слишком скудна, чтобы лошади могли прокормиться. Да и людям надо есть. Но никто не видел караванов с провизией, уходящих из города.

– Да, темная история, – проворчал киммериец, – Ты, кажется, говорила, что мехемские

послы просят аудиенции...

– Они не просят, они требуют! А это значит – сила у них за спиной неподвластная.

– Так давай их об этом и спросим, – ухмыльнулся варвар. – Хочу глянуть на этих недоносков.

ГЛАВА 6

Условия мира

В сопровождении почетного караула мхемское посольство двигалось по бесконечным коридорам дворца.

Восемь человек шли через многочисленные залы, украшенные витыми колоннами, через внутренние дворики, где цвели удивительные цветы и гуляли чудные птицы, мимо фонтанов, балконов, поднимались и спускались по мраморным лестницам, проходили под стрельчатыми арками, задирая головы и невольно ломая шапки. Их окружало тончайшее мраморное кружево многочисленных решеток, разделявших покой, мрамором были облицованы стены, полы, своды галерей. И повсюду журчала вода: она сбегала по многочисленным желобам, переливаясь из одного в другой, вытекала из стен, охладившихся в их каменной толще, бежала дальше, растекаясь по каналам в полу, собираясь в водоемы – и так на всех этажах, во всех залах и покоях, которым не было числа.

Семеро мхемцев таращились на это диво, не в силах скрыть восторга. Дворцы Эль-Мхема были великолепны, но они бледнели перед величайшим строением Вендии, как бледнеет лунный лик, когда встает из-за окоема лучезарное солнце. И в Эль-Мхеме не было столько воды: окруженные пустыней, жители города ценили влагу на вес золота. Правда, под их ногами находились целебные источники, но они всецело принадлежали шахсару и некоторым богатым откупщикам.

Сосуды с шипучей водой, запечатанные воском, несли на плечах семеро. Восьмой посланник, не похожий на остальных, длинный, светловолосый, с костиистым обветренным лицом, вышагивал решительно, не глядя по сторонам. На нем была помятая кираса, грязные сапоги, кожаные штаны и перчатки с отворотами. У пояса висел длинный прямой меч.

Процессия миновала широкий двор, посреди которого находился глубокий бассейн с фонтаном посередине, и вошла под высокие своды приемного зала. Его гладкие стены локтей тридцати высотой были слегка скошены внутрь, что могло бы производить гнетущее впечатление, если бы не яркая расцветка камней, из которых они были сложены. Посреди залы возвышался трон из резной слоновой кости, на котором, облаченная в пурпур и шелк, ожидала гостей дэви Вендии. Многочисленные придворные стояли полукругом возле престола, держа в руках серебряные и золотые кубки.

Высокий человек с мечом у пояса тяжелыми шагами пересек зал и застыл напротив трона, скрестив на груди сильные руки. Он не поклонился и не проронил ни слова.

– Приветствую тебя, посол Эль-Мхема, – раздался мелодичный голос Жазмины. – С каким известием прибыл ты к нам и как прикажешь тебя величать?

– Величают меня Бравгардом, – отвечал посланник хрипло, – а пришел я для того, чтобы заключить вечный мир между нашими великими державами.

Среди сановников прокатился ропот: доселе никто из мхемцев не осмеливался именовать свое княжество «великим».

– Разве между нами война? – спросила дэви спокойно.

– Спору нет, ваши воины не переступали наших границ, – кивнул Бравгард. – Пока. Видимо, участь косальцев вас кое-чему научила.

Вельможи зашумели сильнее – наглость посланника была неслыханной. Однако дэви

жестом приказала им умолкнуть и спросила, не повышая голоса:

– Откуда ты родом, раджиб?

– Какая разница? – буркнул тот, злобно глядя на женщину исподлобья.

– Вижу, ты – северянин, а северяне никогда не отличались хорошими манерами. Так чего ты добиваешься, немедиец, ведя столь дерзкие речи?

– Ах, тебе даже известно, где я родился! Это говорит о том, что Вендия засыпает к нам шпионов, готовясь к войне. Не выйдет! Времена, когда мехемские шахсары платили вам дань, навсегда ушли. Теперь мы будем диктовать условия.

– Условия мира?

– Да!

– И каковы же они?

– Отныне Вендия обязана платить дань Мехему. Перечень – в этом пергаменте.

И посол бросил к подножию трона тугой свиток, перехваченный грязной ниткой.

На этот раз вопли сановников были столь пронзительны, что лопнула и разлетелась вдребезги огромная ваза, стоявшая позади трона.

И на сей раз дэви властно приказала вельможам умолкнуть.

– Сдается мне, ты добиваешься войны, а не мира, – произнесла она, едва сдерживаясь.

– Это как тебе будет угодно, – ухмыльнулся немедиец. – Достаточно мы терпели ваше высокомерие! Достаточно вы брали у нас целебную воду, чтобы пользоваться ею задаром. Больше этого не будет! Разбейте кувшины!

Последние слова были обращены к обомлевшим от страха мехемцам. Бедняги вовсе не ожидали такого поворота событий, они считали, что вода предназначена в подарок правительнице Вендии и сейчас не в силах были разжать пальцы, судорожно сжимавшие ручки сосудов.

– Выполняйте или я снесу ваши глупые головы! – проревел Бравгард, хватаясь за рукоять меча.

Кувшины полетели на пол и разбились, залив мраморные плиты пузырящейся жидкостью.

– Теперь можешь послать своих кшатриев, – подбоченясь, бросил посланник. – Мы не боимся ни твоих слонов, ни твоих воинов, у нас есть чем ответить!

– Чарами стигийского колдуна?

Жазмина спрашивала вполголоса, вкрадчиво. Немедиец побагровел.

– Что ты еще знаешь, женщина?!

– Знаю о серебряном всаднике и его копье. Только это вам не поможет. Сколько бы воинов ни выставил Мехем, вендицы будут сильнее.

Бравгард отер пот с лица и расхохотался.

– Флюгер! Ах, вот что, ты проведала о флюгере. Хвала богам...

Он замолчал и скорчил свирепую мину.

– Тогда тебе ведомо, женщина, что у нас есть многотысячное войско, свирепое и непобедимое! Хочешь помериться силами – давай, твои кшатрии найдут могилу в пустынях Мехема. С именем Абу-Дастана на устах мы пойдем в бой и победим!

– Может быть, кто-то и пойдет в бой, только не ты, – вскричала дэви, потеряв терпение. Она вскочила и, топнув ногой, указала на немедийца.

– Взять его и немедленно обезглавить!

– Не торопись, грозная повелительница, – в голосе Бравгарда, не двинувшегося с места,

прозвучала явная насмешка, — я не пришел бы сюда, не заручись надежным залогом. Если хоть волос упадет с моей головы, вендиjsких купцов, захваченных в Эль-Мехеме, ждет мучительная смерть на крючьях возле Балдахских ворот.

— Это подло! — воскликнула Жазмина, падая на сиденье трона.

— А рубить послу голову не подло? — ехидно осведомился немедиец. — Еще толкуешь о хороших манерах...

Он сплюнул, круто повернулся на каблуках и решительно зашагал к выходу. Мехемцы засеменили следом, в ужасе оглядываясь на женщину, сидевшую в резном кресле, безвольно уронив руки.

Миновав двор с бассейном и углубившись в неширокий коридор, Бравгард мысленно поздравил себя с успехом опасной миссии. Никто не препятствовал посольству покинуть дворец.

Даст, старый Лис, оказался прав: женщина есть женщина, и сердце у нее мягкое, даром что бьется в груди повелительницы великой державы, чьи воины не раз заливали кровью окрестные земли.

Пожалела каких-то купцов! Что ж, он достаточно задел самолюбие дэви, чтобы Эль-Мехем мог готовиться к нападению вендиjsкого войска. Эль-Мехем! Скорее бы вернуться туда, да в баню...

В этот миг мраморная плита у него под ногами провалилась, и немедиец полетел вниз, в смрадную бездонную пустоту.

— Ты зря это сделал, Конан, надо было его отпустить.

— Отпустить этого ублюдка? Да я еле сдержался, чтобы не раскроить его череп. Но потом мне пришла мысль получше.

— Они убьют купцов.

— Не убьют. Я велел отпустить мехемцев, они сообщают, что Бравгард жив и сидит в темнице. Думаю, он не очень ушибся, падая в колодец, а воздуха там хватит, хотя дышать и затруднительно — трупы прежних узников еще воняют. Бравгард, подозреваю, не на последнем месте в дружине этого Дастана, так что будет хорошим заложником.

— Отчего же шахсар прислал сюда приближенного человека? Это рискованно.

— Видать, никто из мехемцев не смог бы держаться столь вызывающе, как немедиец. Он из наемников, сразу видно, а публика эта грубая и бесцеремонная. Надо сказать, постарался он на славу, ты до сих пор вся дрожишь.

Они лежали на широком ложе в опочивальне дэви под синим, украшенным серебряными звездами пологом. Тонкая рука Жазмины покоилась на груди варвара, ее густые черные волосы щекотали ему плечо.

— Значит, они хотят войны, — прошептала женщина, крепче прижимаясь к киммерийцу. — Зачем?

— А зачем вообще люди сражаются друг с другом? Так заведено богами и ничего тут не поделаешь. Мехемцы каким-то образом одолели войско Косалы и теперь хотят, чтобы ты двинула кшатриев в их долину...

— И я сделаю это! — воскликнула Жазмина, резко сядясь на постели. — Пусть им помогают все колдуны Стигии, мои войска хлынут в Сокровенную Долину, как волны бурного моря, и сметут всякого, кто встанет у них на пути!

Конан ласково обнял ее за плечи и уложил рядом.

— Сдается мне, Дастан как раз того и добивается. Не знаю зачем, но он хочет, чтобы ты

направила на Эль-Мехем все имеющиеся силы.

— Он пожалеет о своей самонадеянности!

— Может быть, да, может, нет. Только не следует идти на поводу у противника. Давай сделаем так: я отправлюсь через горные перевалы с небольшим отрядом, разведаю, что к чему, а потом решим, как поступить. А сейчас — хватит о делах, пора заняться кое-чем поприятней!

И они занялись тем, чем занимались почти каждую ночь с тех пор, как Конан вернулся из Гадхары.

Когда Жазмина уснула, варвар выбрался из-под леопардовой шкуры, служившей одеялом, бесшумно оделся и выскользнул в коридор.

Он миновал сеть запутанных коридоров, спускаясь все ниже этаж за этажом, пока не оказался в подвале. Дремлющий стражник встрепенулся и, завидев раджиба Конана, отсалютовал ему круглым щитом. Варвар небрежно кивнул и пошел дальше. Своды становились все ниже, проход — уже, под сапогами хлюпало, на стенах висели комки паутины. Несколько раз из-под его ног с писком разбегались крысы.

Свернув за очередной поворот, Конан остановился, прислушиваясь. Ему почудилось, что кто-то крадется следом, осторожно ступая по жидкой грязи. Нет, показалось. Да и кому придет в голову шастать в полумраке подвала ночью — разве что варвару, замыслившему черное дело.

Отвалив длинный узкий камень, киммериец с трудом протиснулся в темную щель. В нос ударили сладковатый запах, столь знакомый любому воину, которому доводилось, ехать через бранное поле на следующий день после битвы.

Он оказался в круглом помещении, едва освещенном тусклым светом, льющимся из небольшого отверстия, пробитого где-то высоко вверху. Смутная тень заворочалась возле стены, раздался хриплый крик... и Конан тут же ударил кулаком, валя наземь человека, бросившегося на него с отчаянием смертника.

— Убери свой меч, Бравгард, — сказал киммериец спокойно, — здесь негде размахнуться. Давай поговорим.

Достал из сумки на поясе свечу и кресало, чиркнул, запалил огонь. Увидел бледное лицо немедийца с кровоподтеком во всю щеку. Плененный посланник сидел на куче соломы, сжимая клинок с обломленным концом.

— Кто ты? — прохрипел узник. — Палач?

— Что, не терпится на Серые Равнины? Нет, брат, я не палач. Я такой же наемник, как и ты.

— Наемник? — Бравгард судорожно облизнул пересохшие губы. — Вижу, ты не вендиец. Откуда?

— Какая разница? У воинов удачи нет родины. Вернее — родина там, где платят больше. А здесь платят мало, слишком мало.

— Зачем ты пришел?

— Поболтать. Надоели, знаешь, велеречивые ублюдки, которые слова в простоте не скажут. Хлебни-ка.

И варвар протянул немедийцу небольшой мех с вином. Бравгард жадно припал к нему и осушил наполовину.

— Ладно, — сказал он, вытирая губы, — напоил. Может, и закусить чего принес?

— Закусывать будешь в своем Эль-Мехеме, или как там эта дыра называется. Чего

таращаешься? Не веришь, что отпущу?

— Не верю, — признался посол, — Если ты простой наемник, как узнал, где меня держат?

— Да пьянствовал я тут с местным палачом, — объяснил Конан небрежно, отхлебывая из меха оставшееся вино, — знатно тот выпивал, даром что вендиец. А налакавшись, стал хвастать: дескать, таких застенков, как в Айодхье, нигде не сыщешь. Повел показывать, а я запоминал, что к чему, неровен час — пригодится. Колодец этот тоже мне показал, дэви сюда людышек сбрасывает, когда хочет, чтобы те навсегда исчезли.

И варвар указал на пару скелетов и полуразложившееся тело в изодранной рубахе.

В глазах Бравгарда засветилась надежда.

— Выпусти меня, земляк, — сказал он просительно, — век не забуду! В Эль-Мехем золота много, к нам придешь — богатым будешь!

— Богатство — это хорошо, — согласно кивнул Конан, — а порешим мы с тобой так. Сейчас уйти не могу, дела кое-какие в Айодхье остались. Говоря по правде, не дела, а делишки: надо одному ублюдку печень вырезать. Долг чести, сам понимаешь. Ну а там, Кром даст, свидимся. Дэви большое войско собирает, на Эль-Мехем идти хочет. Я с кшатриями пойду, погляжу, как все обернется. Ежели вендицы победят и город твой возьмут — не обессудь, тогда я сам твое золото заберу. И тебя кончу, коли под руку подвернешься. Служба, брат. Ну а если Дастан твой одолевать станет, так я в плен сдамся. Тогда уж не позабудь, кто тебя из неволи вызволил. И про золотишко обещанное не забудь — мой меч дорого стоит!

— Ну ты и тип, — только и сказал немедиец с уважением.

Когда Конан, отворив потайную калитку, выпустил его за городскую стену, Бравгард обернулся и хлопнул варвара по плечу.

— Ты — настоящий рыцарь удачи, брат, — молвил он торжественно. — Мы еще повоюем бок о бок, вот увидишь!

— Давай двигай, — подтолкнул его киммериец, — пока я не передумал.

ГЛАВА 7

Перебежчик

Когда сияющая колесница Асуры плывет по небу над благословенной землей Вендии, Солнечный Бог любуется творением рук своих. Густые джунгли, полные зверья и птицы, перемежаются долинами широких рек, вдоль которых располагаются поля, дающие жителям сей страны пропитание.

Прекрасные города и величественные храмы украшают страну, как белые и голубые опалы в оправе из сочно-зеленого зморрода. Плодоносные сады окружают селения, нитки дорог пересекают державу из конца в конец, с севера на юг и с востока на запад – к горам Тайдук-Нубас.

Асура любуется склонами этих гор, обращенными на закат. Джунгли достигают их отрогов и, редея, отступают, как морская волна, набежавшая на берег, спешит уйти обратно в море, оставив мокрый песок. Выше растут лиственные деревья, а за ними – высокие сосны, между стволов которых висят, цепляясь за ветви, словно куски тончайшей ваты, облака. То тут, то там на склонах видны селения, прозрачные ручьи весело бегут среди камней, а на лужайках дети пасут коротконогих буйволов с черной блестящей шкурой и стада круглогих коз.

Но, когда колесница, запряженная шестью птицами с женскими лицами, переваливает вершины Тайдук-Нубаса, Асура спешит отвернуться, чтобы не видеть горячие желто-красные откосы, ниже которых – только мертвый щебень.

И погоняет Царь Небесный упряжку, чтобы быстрее миновать место, опаленное, когда он спускался на грешную землю, дабы наставить Вакришамитру на путь истинный.

Каждый вендиец по эту сторону гор помнит, что пустыня совсем недалеко – за перевалом. Оттуда, из долины Мехем-Ту, льется через ущелья зной, летит по ветру сухой песок, рассеивается над полями и селениями, проникает в окна, набивается в рот, обжигает глаза. Впрочем, такое бывает редко: ветры чаще дуют в долину Мехем-Ту, словно в огромную раскаленную чашу, но когда порывы его все же одолевают перевалы, вендийцы молят богов послать дождь. И дождь выпадает, спасая урожай, охлаждая воздух, наполняя его свежестью и ароматом трав. Дождь выпадает по эту сторону гор, на восточном склоне, на западных откосах всегда сухо. Плохое место долина Мехем, и делать там простым людям нечего.

Другое дело кшатрии. Боги сотворили их, дабы постоянно испытывать мужество рода человеческого. Что там пустыня, если нужно, воин и в огонь пойдет ради славы. Из другой глины сделаны кшатрии, что и говорить, не чета простолюдинам…

Так судачили между собой жители горных сел, когда отряд в сотню конников с длинными копьями, с луками, колчанами и круглыми щитами, сопровождаемый сотней пехотинцев, проследовал единственной дорогой, ведущей от приграничного города Балдах в Сокровенную долину. Впереди вышагивали трубачи и литаврщики, знаменосцы и десяток гвардейцев в высоких конусообразных шапках, золотых кольчужных рубашках и красных сапогах с загнутыми носами. За гвардейцами шел длинноногий верблюд, между его горбов под широким зонтом ехал начальник войска – черноволосый гигант в червленой броне и шлеме, украшенном страусовыми перьями.

Завидев столь великолепную процессию, селяне спешили к своим плетням, махали

миртовыми ветками и радостно вопили, приветствуя воинов, которых редко видели в этих местах. «Куда вы идете?» – кричали те, кто посмелей. «Идем покорять Эль-Мехем, – отвечали воины, – зададим перцу наглецам!» В ответ раздавались крики одобрения, в воздух летели шапки.

Сидя между горбов верблюда и важно надувая щеки, Конан только посмеивался про себя. Пожалуй, с такой шумихой Абу-Дастану не нужен никакой волшебный флюгер. Если шахсар держит шпионов в приграничных селениях, он будет знать о выступлении вендинцев очень скоро. И будет знать, что по Балдахской дороге движется отряд всего в две сотни копий. Киммерийцу очень хотелось посмотреть, какое войско выставит немедиец, когда кшатрии ступят на землю «великого» княжества.

С этим он, впрочем, не торопился. Еще три отряда скрытно двигались к границам Мехема, намереваясь пройти малоожженными ущельями. Это была часть плана, который варвар предложил дэви: сделать вылазку в четырех местах и решить, какими силами на самом деле обладает противник. Жазмина собирала тем временем в Айодхье большое войско, готовясь нанести удар там, где оборона мхемцев окажется наиболее уязвимой.

Нужно было дать время трем другим отрядам пробраться через горы, поэтому Конан, миновав со своими людьми перевал, решил заночевать на небольшом каменистом плато, где росли чахлые кусты и искривленные ветрами и зноем деревья.

Велев расседлать коней и выставить караулы, киммериец отправил вниз четверых лазутчиков и задремал сидя, завернувшись в плащ и прислонившись спиной к теплому камню.

Ему казалось, что он вовсе не спит, а сидит с открытыми глазами и смотрит на яркие холодные звезды. Их далекие огни светили, словно костры огромного войска, разбившего лагерь в черном поле. Возможно, то была армия Мардука, небесного воителя, безжалостного Бога Войны.

И вдруг две звезды, самые яркие, стремительно понеслись вниз и превратились в ледяные иглы, нацеленные ему в сердце. Голова огромной кобры неумолимо надвигалась из мертвых глубин Пустоты, а звезды были ее глазами – безжалостными, несущими гибель...

Конан вскрикнул и проснулся.

– Раджиб, наши поймали мхемца! – услышал он голос сотника Аджара, начальника своих пехотинцев.

Двою воинов вытолкнули в круг света, отбрасываемый небольшим костерком, испуганного человека в изодранной одежде. Борода его торчала клочьями, лицо было разбито в кровь.

– Я все скажу, все! – заголосил человек, падая на колени. – Я сам к вам шел, все рассказать хотел!

Конан мотнул головой, стряхивая остатки ночного кошмара. Занималось утро: солнце уже золотило вершины гор, но на плато еще лежали глубокие холодные тени.

– Ты кто? – спросил он пленника.

Тот, опасливо оглянувшись на кшатриев, стукнул лбом в землю, потом сел на пятки и сказал, постаравшись придать солидность своим словам:

– Да будет тебе известно, о достойнейший из военачальников, что зовусь я Абу-Гарим и звание имею немалое: младший викиль шахсара эль-мхемского.

– Важная птица, – усмехнулся варвар, разглядывая разбитую физиономию викиля. – А чего в горах забыл? Или послал кто?

— Сам бежал, о лев среди кшатриев! — воскликнул Абу-Гарим и ударил себя в грудь в знак подтверждения искренности своих слов так, что закашлялся. — Нет сил терпеть узурпатора, проклятого немедийца, севшего на престол силой коварства и попустительством наших вельмож, кои далее своего носа ничего видеть не желают!

— А ты, значит, позорче оказался. И что же узрел такого, что иные не смогли?

— А узрел я, о могущественный, гибель скорую, грозящую нашему княжеству и всем, кто имеет глупость оставаться за стенами Эль-Мехема. Ибо дэви Жазмина справедлива и покарает отступников...

— Врешь, собака! — раздался голос подошедшего сотника конников Мугаджара. Воин держал в руке обнаженную саблю, явно намереваясь снести пленнику голову. — Ты — лазутчик!

Несчастный викиль снова пал ниц, потом, воздев руки и не поднимаясь с колен, заголосил жалобно:

— Не лазутчик я, клянусь Асурой, да поразит меня огненный смерч, если есть в моих словах хоть толика неправды! Не нужны шпионы проклятому Дастану, ибо обладает он неким чудесным талисманом, хранящим его земли до поры до времени. А чтобы не сомневались вы в моей искренности, открою страшную тайну! Есть в предгорьях Тайдук-Нубаса башня, построенная стигийским колдуном, а на башне той — чудесный серебряный всадник...

Он замолчал, выпучив глаза на черноволосого раджиба, хохотавшего во все горло.

— Уморил! — едва выговорил Конан, утирая слезы. — Великая тайна! Кажется, о вашем флюгерге не болтают только ослы, да и то потому, что лишены дара речи. Так ты это хотел рассказать, направляясь в Вендию? Новость, за которую в базарный день не дадут и медного гроша. Если хочешь сохранить голову, скажи лучше, откуда у Дастана войско, разгромившее косальцев?

— Этого я не знаю.

— Давай, Мугаджар, — кивнул киммериец сотнику, — руби...

— Нет! — завопил Абу-Гарим. — Все скажу! Только не убивайте!

— Убери саблю, Мугаджар, — приказал варвар, — послушаем, что почтенный викиль нам поведает. А там решим, что с ним делать.

Викиль, всхлипывая и жалобно постанывая, стал клясться всеми богами, а также здоровьем чад и домочадцев, что не знает, откуда взялось войско, подвластное стигийскому колдуну.

Но войско есть, и оно непобедимо. Ходят слухи, что чародей устроил в горах огромные пещеры, соединенные подземным ходом не то с Иранистаном, не то с Туроном, и оттуда приходят грозные янпачи, неустранимые в бою, как дикие тигры. Они всегда появляются там, откуда грозит нападение, и нет пощады, дерзнувшим посягнуть на княжество Мехем...

— Отчего же ты бежал из этого благословенного места, коли так? — перебил Абу-Гарима Конан.

— А бежал я потому, о начальник кшатриев, — отвечал викиль, — что властитель, доверивший безопасность своего государства магии, губит и себя, и свою страну вместе со всеми подданными. Абу-Дастан, дерзкий чужеземец, вообразил, что держит волшебника за бороду, тогда как сам он — лишь игрушка в руках стигийца. И стоит чернокнижнику осерчать на шахсара, как все благодеяние Эль-Мехема рухнет, как замок, построенный на песке. Ввиду же того, что между Дастаном и App-Магарбаном отношения ухудшаются день ото дня,

я и принял решение бежать в Вендию, дабы помочь дэви Жазмине – да продлятся дни ее! – воспользоваться ссорой шахсара и волшебника и восстановить попранную справедливость.

– Что же произошло? Говори толком!

– Позволь мне, о лев воинской доблести, изложить события по порядку, дабы тебе стало ясно, сколь коварен стигийский колдун и сколь щатко благополучие проклятого Дастана...

– Дайте ему вина промочить горло, – распорядился Конан, и мехемец, сраженный столь неслыханной щедростью, тут же бросился целовать грязные сапоги киммерийца.

Утолив жажду и поудобнее усевшись на собственных пятках, викиль принялся выдавать государственные секреты.

ГЛАВА 8

Дворцовые тайны

После того, как взявшееся невесть откуда войско нанесло сокрушительное поражение косальцам и головы убитых врагов были сложены на главной площади Эль-Мехема в большую пирамиду, дабы вызывать в сердцах жителей ликование и гордость, Абу-Дастан предложил магу половину всех сокровищ, хранившихся в подвалах шахсарского дворца.

«Оставь у себя сокровища свои, – ответил колдун, приняв самый смиренный вид, – желания человека моих лет весьма ограничены. Кроме того, я дал обет смирения своим учителям. Дай мне лишь небольшую сумму, необходимую на незначительные переделки в моем скромном жилище, и на сем желания мои будут удовлетворены».

«Ты обладаешь духом истинного мудреца, – отвечал Абу-Дастан, весьма довольный умеренностью стигийца, – то, ради чего другие идут на подвиги и преступления, в глазах твоих не имеет никакой цены, но нас связывает непоколебимая дружба, скрепленная победой над извечными врагами мхемцев, и я сделаю все, что ты попросишь».

«Запомню твои слова», – сказал маг, и сказал это при свидетелях.

Тотчас было дано повеление хранителю шахсарской казны выделить необходимые средства и не жалеть ничего, для удовлетворения малейших прихотей спасителя Мехема.

– В силу своей должности, – говорил Абу-Гарим, – я надзираю за распорядителями работ, и потому не раз бывал с мастерами в пещере волшебника. Это только так говорится – пещера, на самом деле стигиец устроил в недрах горы настоящий дворец! App-Магарбан приказал иссечь в скалах несколько помещений, украсил их блестящими материями, кхитайскими вазами, пол выстелил гранитными плитами, и уставил комнаты роскошными диванами с горами самых мягких подушек, покрытых вендинскими тканями. «Я стар и хил, – говорил этот лицемер, – и не могу спать на жестком ложе, как в молодости. В конце концов, я заслужил в свои годы некоторые удобства».

Потом он приказал устроить купальню, снабженную всеми принадлежностями роскоши и неги, утверждая, что ароматные ванны необходимы старикам, чтобы смягчить иссохшие члены и успокоить болезненную тревогу мозга, измученного долговременными трудами и учением.

– Клянусь Кромом, – осклабился варвар, слушая викиля со все возрастающим весельем, – не иначе старичок решил пожить в свое удовольствие, прежде чем отправиться к Нергалу!

– Да не торопится он на Серые Равнины! – возмущенно воскликнул Абу-Гарим. – Все знают, что колдун владеет тайной эликсира, продlevающего человеческую жизнь. Стигиец крепок и может бегать так быстро, что и молодой не угонится. А все притворяется немощным старцем. Утверждает, что даже солнечный свет ему вреден. Потому приказал развесить в пещерах серебряные и хрустальные лампы, которые горят сами собой – посредством чудесного масла, приготовленного по старинным стигийским рецептам. «Лампады сии, – говорит, – крайне экономны и не требуют пополнения горючего материала. Их слабый свет позволит мне продолжать в уединении научные разыскания, коим я посвятил себя на благо людей...»

Между тем, несмотря на подобное самоутверждение, которым не переставал хвалиться

стигийский чародей, отделка его убежища стоила огромных сумм. Казнохранитель, видя беспрерывное истощение сокровищницы, только хватался за голову, но, не смея ослушаться приказания шахсара, исправно выплачивал деньги работникам, поставщикам и художникам. Наконец, когда какой-то камбуец потребовал две тысячи золотых за чучело белой обезьяны, невесть зачем понадобившееся чародею, терпение казнохранителя лопнуло, и он отправился с докладом к шахсару.

Немедиц долго чесал бороду, после чего изрек слова, слышанные всеми присутствующими: «Да, не дешево стоят скромные желания нашего друга, но мы обязаны ему своим словом, а слово шахсара – дороже золота! Кроме того, безопасность Эль-Мехема, защищенного отныне от всякого покушения врагов, вдесятеро вознаградит нас! Отныне мы можем грозить любой державе и диктовать наши условия».

– Что-то я не слышал, чтобы мхемцам удалось превратить кого-нибудь в своих данников, – прервал рассказ викиля киммериец. – Впервые за все время они дерзнули обратиться с подобным требованием к дэви Вендии, да и то безуспешно. Говорят, посол Дастана до сих пор сидит в айодхийской темнице.

– Посол вернулся, о храбрейший, – с готовностью доложил Абу-Гарим, – ему удалось бежать.

– Да ну! – хмыкнул Конан. – Вот каналья.

– Говоря о том, что сможет грозить соседям, шахсар ошибался, – продолжил викиль. – Стигиец заявил, что его войско не может покидать границ княжества. Тогда они первый раз поругались с Дастаном. Немедийцу пришлось смириться с тем, что армия колдуна лишь защищает княжество, уничтожая проникнувшего в долину неприятеля. Это подтверждает мои слова о том, что игру ведет стигийский маг, а не человек, именующий себя повелителем Эль-Мехема.

– То-то Бравгард так старался заманить войска дэви к себе в пустыню, – пробормотал Конан так тихо, что мхемец его не рассыпал.

Немедийцу пришлось довольствоваться тем, что в город потянулись купцы, привлеченные безопасностью торговли. Войска колдуна одержали еще несколько побед, и всякий раз головы поверженных врагов складывали на рыночной площади.

Убежище чародея вмещало все самое ценное, что ранее находилось в шахсарском дворце. Вельможи роптали, Дастан со своими людьми предался необузданному пьянству. Немедийцы вели себя в Эль-Мехеме как в захваченном городе, все более возбуждая ненависть жителей.

А колдун не унимался. Однажды он явился к казнохранителю и сказал ему, скромно улыбаясь: «Теперь, любезнейший, все мои желания об успокоении исполнились, отныне я живым похороню себя в своем милом уединении и посвящу наукам дни, оставшиеся мне по милости богов. Не требую более ничего, кроме малой безделицы, которая развлекала бы меня в перерывах между важных занятий».

«Да исполняются твои желания», – с поклоном отвечал казнохранитель, мысленно прикидывая, во что обойдется очередная «безделица», понадобившаяся чернокнижнику.

Однако дальнейшие слова мага поразили даже его.

«Мне хотелось бы иметь несколько танцовщиц, прекрасных во всех отношениях», – молвил старец.

«Танцовщиц!» – воскликнул казнохранитель, изумленный желанием, столь мало сообразным с обликом человека, посвятившего себя размышлением и общению с высшими

силами.

«Чему ты так удивляешься? – холодно спросил мудрец. – Я люблю созерцать прекраснейшие создания зиждителя Вселенной. Тебе должно быть известно, что вид юности и красоты возрождают утраченные силы старииков. Да не покажется трудным исполнить это мое желание: я не прихотлив, и на первое время мне понадобится совсем немного хорошеных девушек. Скажем, дюжины две».

Конан снова расхохотался.

– Силен, стариашка! – воскликнул он, хлопая себя по коленям. – Две дюжины! Видать, колдун не терял зря времени, изучая тайные науки, и сварил себе знатное зелье!

– Ты прав, о справедливейший из раджибов, – льстиво захихикал Абу-Гарим, – и это было только начало! Всякий раз, одолев врагов с помощью своей магии, колдун требовал новых красоток, так что вскоре их пришлось выписывать из-за границы. Дастан же, натешив свою гордость победами, заскучал. Народы и племена, ранее совершившие набеги на княжество, ужасаясь непрерывных неудач, смекнули наконец, что Эль-Мехем находится под покровительством сверхъестественных сил, и решили оставить нас в покое. Подозреваю, что немедиец уже собирался плюнуть на все и покинуть город со своими людьми, как тут, на нашу беду, серебряный всадник вновь опустил копье и указал им на юг...

– Но там ничего нет, кроме моря, – заметил сотник Аджар. – На вас напали пираты?

– Уж лучше бы это были пираты! – горестно воскликнул викиль, заламывая руки. – Ты прав, о кшатрий, к югу от Эль-Мехема лежит среди гор узкая бесплодная долина, выходящая к берегу Вендиjsкого моря. Места эти пустынны и безжизненны, никто там не селится. Шахсар приказал отправить туда отряд под водительством Бравгарда, ибо чудесный всадник, испуская разнообразные мелодичные звуки, которые понимает только стигиец, сообщает колдуну о численности и принадлежности войск противника, но на этот раз он молчал.

– И что же оказалось? – нетерпеливо спросил киммериец.

– Вернувшись, Бравгард сообщил, что неприятеля не обнаружил, а его люди нашли чудно прелестную девушку, прикованную к скале на взморье.

– И что же сделали с этой девушкой?

– Ее привезли к Дастану. Немедиец пришел в восторг, и было отчего. Она вошла в главную залу дворца покрытая бурнусом из тонкой белой шерсти, а когда ткань упала к ее ногам, шахсар увидел во всей очаровательной девической наготе краснеющую и бледнеющую от стыда девушку лет шестнадцати, красота которой превосходила все, что может создать воображение...

– Ну так уж и все, – проворчал Конан, который на своем веку повидал не одну сотню обнаженных женщин – и краснеющих, и нагло улыбающихся, и объятых ужасом...

– В моих словах нет ни грана преувеличения, о сокол прозорливости, – заверил мехемец, – ибо Дастан завел обычай демонстрировать прелести своих наложниц всем придворным, и я присутствовал при сем событии. Клянусь Жудом и Маждудом, ее красота несравненна! Она, как невиданный драгоценный камень, требует оправы более изысканной, чем грубая власть немедийца. Но даже этот неотесанный вояка, место которому у котла с похлебкой, а не на троне, не посмел обидеть ее грубым словом. Он весьма изысканно осведомился, кто она и откуда.

Незнакомка отвечала самым сладостным голосом, но слова ее поначалу были не совсем ясны.

«Повелитель, я не та, за кого ты меня принимаешь, – сказала она, – но твое великодушие

может сравняться с моим несчастием. Ты видишь перед собой дочь бодейского губернатора, доверившегося одному своему неверному капитану. Этот низкий человек, с которым я вышла в море, дабы полюбоваться беспредельными просторами и игрой волн, воспыпал ко мне низкой страстью и хотел учинить насилие прямо на корабле. Встретив сопротивление, он решил отомстить страшным злодеянием и высадил меня на пустынном берегу, отлично зная, что в этих местах нет людей. Я стала бы добычей хищных зверей, если бы твой доблестный военачальник не освободил меня и не спас от ужасной смерти».

Немедиец прямо-таки пожирал глазами свою будущую одалиску. Однако App-Магарбан, присутствовавший во дворце по какой-то надобности, уединившись с шахсаром, принялся остужать его пыл. Он сказал...

— Тебя они тоже пригласили? — насмешливо спросил варвар.

— Нет, о внимательнейший из раджибов, но стены во дворце имеют уши, поэтому беседа мага и немедийца не осталась неизвестной.

«Не доверяй льстивым словам этой женщины, — сказал колдун, — наука открыла мне, что мнимая дочь бодейского губернатора очень может оказаться одной из тех северных волшебниц, которые облекаются в самые обольстительные формы, дабы поймать в свои сети неосторожных. В облике ее и малейших движениях нахожу я нечто необыкновенное... Вспомни, серебряный всадник указал ее местонахождение, опустив копье, а так он указывает на врагов. Эта красавица и есть враг, которого надо опасаться».

Шахсар только насмешливо улыбнулся и ответил, что хорошо разбирается в женщинах, а к этой девушке чувствует страсть, которую давно не испытывал.

«Ничто не возбуждает во мне подозрений, и я оскорбил бы Митру, пренебрегая таким неоценимым даром», — заметил он.

«Друг мой, — не унимался чародей, — обрати взор внутрь себя и ответь честно: не мне ли ты обязан многочисленными победами, уничтожившими всех твоих врагов?»

«Не отрицаю этого», — согласился немедиец.

«Помнишь ли ты свое обещание, не жалеть для меня ничего, что бы я ни попросил?»

«Помню. Но не обвиняй меня ни в неблагодарности, ни в склонности, ибо ты всегда получал все, что хотел».

«Я и не думаю обвинять тебя, — вкрадчиво молвил колдун, — напротив, хочу оказать безвозмездно еще одну услугу. Выдай мне эту пленицу, которая угрожает твоей безопасности и безопасости твоего государства. Я уведу ее в свое убежище и заставлю звуками эльду услаждать свой слух, дабы прогонять бессонницу моей печальной старости. Она будет под моим беспрестанным присмотром, и я смогу узнать, та ли она, за кого себя выдает. Если она дочь губернатора, ты сможешь получить богатый выкуп, если же мои подозрения оправдаются, я найду способ справиться с колдуньей».

Но Дастан на сей раз был непреклонен.

«Клянусь железной пяткой Мардука! — вскричал он. — Да ты самый продувной мудрец из всех чернокнижников! Как! Тебе мало танцовщиц, заживо погребенных в твоем склепе, и ты, ненасытный старик, готов возжелать каждую женщину, которая попадется тебе на глаза! Право, почтенный, ты преувеличиваешь свои силы, а вернее, силу лекарств, дающих твоей старости слишком много обманов чувств».

Маг еще долго уговаривал шахсара, все более мрачнея.

«Я требую от тебя не жертвы, а доказательства доверия, ибо пекусь исключительно о твоем благе», — заключил он сердито.

«Хватит! – потерял тут терпение бывший наемник. – Твой льстивый язык не переменит моего решения. Кто бы ни была эта девушка, она станет моей!»

Стигиец, злобно бормоча что-то на своем языке, удалился, а Дастан предался всем неистовствам страсти. Торговцы и ремесленники сносили к ногам одалиски блестящие золотые и шелковые ткани, редчайшие драгоценности, тончайшие благовония – подарки возобновлялись ежедневно. Шахсар вводил все новые налоги, дабы пополнить опустевшую казну. Празднества следовали за празднествами, пиры сменялись пирами, но та, ради которой так старался Дастан, смотрела на все глазами особы, привыкшей быть окруженою гораздо более утонченной роскошью и негой. Она равнодушно принимала знаки обожания и, казалось, поставила себе целью сделать дикого немедийского волка ручной собакой.

– Так, значит, Дастан не взял пленницу силой? – удивленно спросил Конан.

– Не взял, о раджиб, – кивнул мехемец отчего-то печально. – Наверное, он воспыпал к девушке подлинной любовью. Такое случается даже с грубыми северянами. Когда же домогательства шахсара становятся слишком навязчивыми, она берет в руки эльуд и начинает музенировать. Видно, в звуках, которые она умеет извлекать из серебряных струн, заключается нечто сверхъестественное, ибо немедиец сразу же погружается в благоговейное онемение, за которым следует забвение страсти и сладостная истома...

– Готов поверить, что эта баба настоящая ведьма, – проворчал варвар. – Погрузить в сладостную негу немедийского наемника – все равно, что уговорить Нергала посадить розы на Серых Равнинах. Так что же, шахсар и колдун окончательно рассорились?

– Чернокнижник с тех пор ни разу не появлялся во дворце, а Дастан, кажется, не выходит из сераля...

– Слушает сладостные звуки эльуда?

– Может быть, уже и не слушает. Ибо пленница наконец решила сдаться его домогательствам.

– Вот как!

– Да, но поставила одно условие: чтобы Абу-Дастан совершил великое деяние, достойное ее любви.

– И какое же?

– Разгромил Вендию.

При этих словах оба сотника схватились за сабли, но Конан остановил их нетерпеливым жестом.

– Значит, – сказал он, что-то обдумывая, – это шестнадцатилетняя девчонка объявила нам войну. Тем хуже для дурня, который, видать, из-за бабы потерял остатки разума. Возможно, колдун, обидевшись, не станет помогать на сей раз немедийцу. Что ж, посмотрим. Мугаджар, вели седлать коней, Аджар, поднимай людей. Мы выступаем.

– Я могу показать потайную калитку в городской стене, – с готовностью предложил викиль.

– Если доберемся, покажешь. Дайте ему лошадь, он поедет рядом со мной.

Солнце уже встало над вершинами гор, и тени попрятались на дне разломов, когда отряд кшатриев спустился в Сокровенную Долину. Перед ними была пустая, покрытая щебнем равнина с невысокими холмами – до самого окоема.

– Ты – советник, а значит, много чего знаешь, – сказал Конан ехавшему рядом Абу-Гариму. – Мне сегодня приснилась змея. К чему бы это?

– Какая змея, о искуснейший из военачальников?

— Кобра.

— А какого цвета?

— Черная.

— Да убоятся враги твои возмездия... — начал было викиль, но варвар прервал его, буркнув:

— Что ты там болтаешь — возмездие... Всем известно, что змеи снятся к несчастью.

ГЛАВА 9

Разгром

Дно долины лежало среди низких отрогов гор, словно раскаленная суповая тарелка. С высоких башен Эль-Мехема зоркий глаз еще мог заметить темнеющие у самого окоема склоны, но от пределов пустыни не было видно ничего, кроме холмов и щебня.

Отряд вендийцев едва ступил на раскаленную землю княжества, отойдя от скал не более двухсот шагов. Конан сменил верблюда на сильного пегого жеребца, викиль ехал рядом и рассказывал киммерийцу легенду о колеснице Асурьи, спалившей некогда цветущую местность. Где-то впереди за холмами исчезли разъезды, посланные Конаном на разведку.

Ровный горячий ветер дул в спины, трепал перья на островерхих шлемах. Отряд двигался медленно, ожидая возвращения разведчиков. В небе кружили темные птицы, словно следили за людьми с высоты.

— И остался лишь город, нетронутый небесным огнем, — говорил Абу-Гарим, смахивая с длинных ресниц налипшие песчинки. — С тех пор ветры дуют с гор, но, достигнув стен Эль-Мехема, слабеют и не опаляют сады, приносящие по три урожая в год...

— А мне сдается, что вон то облако пыли движется нам навстречу, — сказал варвар, внимательно взглядываясь в ближние холмы.

— Наверное, это один из тех вихрей, что гуляют по пустыне, — предположил викиль. — Их носит во всех направлениях, и они причиняют немало неудобств путникам...

— Это не вихрь, — сказал Конан, натягивая поводья, — это пыль, поднятая копытами сотен лошадей. Нас встречают.

Желтое облако вставало из-за холмов, поднимаясь все выше к яркому солнцу. Уже слышно было ржание коней, звон оружия и брони, гортанные крики невидимых еще всадников. Миг, и они показались: бесчисленное множество шлемов блестели в ярких лучах, свет играл на наконечниках копий и алебард, на драгоценных камнях, украшавших рукояти сабель и сбруи лошадей. Огромное войско двигалось навстречу отряду кшатриев.

— Стой! — Конан поднял руку, останавливая своих людей. — Проклятый колдун послал-таки свою армию. Ты солгал, викиль, ты заманил нас в ловушку.

Абу-Гарим задрожал всем телом, едва не выпав из седла.

— Я не лгал, о справедливейший раджиб, я говорил правду: шахсар поссорился с чародеем! Что произошло с тех пор, как я покинул город, мне неведомо, но я...

— Умолкни, — приказал киммериец нетерпеливо. — Мугаджар, Аджар, отводите людей к скалам. Не биться же нам на равнине с тысячами, когда нас всего две сотни.

Распоряжение было исполнено незамедлительно: вендийцы развернулись и в полном порядке отступили к склонам Тайдук-Нубаса, где и укрылись за камнями.

В сопровождении сотников и все еще дрожавшего викиля Конан поднялся на крутой утес, выступавший над склоном, словно огромное ласточкино гнездо. Здесь была удобная площадка, откуда можно было хорошо видеть, что делается внизу.

По равнине, взметая тучи пыли и мелкого щебня, двигались войска. Реяли стяги, доносились звуки труб и литавр, топот множества ног и резкие команды военачальников. Впереди двигались легкие конники и пешие лучники, далее стройными рядами шла тяжелая пехота, а по бокам, выстраиваясь в огромный полумесяц, — главные силы кавалерии.

— О ужас! — воскликнул Абу-Гарим, судорожно вцепившись в гриву своей лошади. — Кто бы мог подумать, что у стигийца такие огромные силы! Они выстраиваются в древний боевой порядок, словно решили дать огромное сражение. Смотрите, впереди рассыпной строй всадников, именуемый «Утро псового лая», за ними фаланги пехоты — «День помощи» и «Вечер потрясения», на флангах гарциут янпачи в алых и золотых доспехах, стремительные в атаке и безжалостные к врагам.

— Да ты стратег, — насмешливо прервал его киммериец, внимательно взглядываясь в шеренги, двигавшиеся по равнине. — Тогда объясни мне, с кем собираются сражаться эти тьмы воинов?

— Как с кем? — удивился викиль. — Конечно с вами.

— Но нас всего две сотни. Неужели стигиец столь труслив, что послал против нас десятки тысяч конных и пеших, опасаясь, что, будь его воинов хоть на дюжину меньше, победы им не видать? Ты же утверждал, что серебряный всадник указывает своему хозяину не только направление, откуда наступает неприятель, но и численность его сил.

— Не знаю, — растерянно пробормотал мхемец, — может быть, это акт устрашения...

Глаза варвара были столь остры, что он отлично видел малейшие подробности происходившего внизу. Будучи вождем афголов, он не раз участвовал в сражениях с турецкими войсками и хорошо представлял их боевое построение. Сейчас он видел авангард, состоявший из легких конников, имевших по два лука и несколько легких дротиков, притороченных к седлам, пеших лучников, прикрывавших обычно тяжелую конницу и столь быстроногих, что могли не отставать от всадников даже при форсированном марше, пехотинцев с большими треугольными щитами и длинными копьями... Фаланги «Дня помощи» и «Вечера потрясений» выстраивались в шахматном порядке, за ними следовали отборные дружины резерва, вступавшие в бой только в крайнем случае. На флангах двигались отряды янпачей, именуемые «одами», и над ними реяли стяги вождей — зеленые, желтые и черные.

Главное знамя развевалось в тылу войска, где, в окружении гвардии, гарцевал на гнедом жеребце неведомый полководец в золотых доспехах и шлеме с высоким гребнем. Лицо его было прикрыто забралом в форме птичьей головы с длинным клювом. Вымпел на знамени был Конану незнаком, и киммериец терялся в догадках, чьи именно силы призвал себе на помощь стигийский чернокнижник.

Вся эта масса людей медленно переваливала через гребни близких холмов, катясь к скалам, словно неумолимая лавина.

Но самым удивительным было то, что за войском показался караван верблюдов, везущий осадные и штурмовые машины, словно таинственный военачальник вознамерился брать приступом стены неведомого города.

— Кром, — пробормотал киммериец в полной растерянности, — может быть, они решили прямым ходом двигаться через перевалы на Айодхью?

В это время слева от войска показалась маленькая группа всадников, во весь дух летевших к скалам. Кшатрии подняли было луки, но Конан, разглядев вендицийцев, отправленных им недавно на разведку, приказал не стрелять.

Никто не препятствовал всадникам, обогнув наступающие колонны, достигнуть отрогов. Командир разведчиков поднялся на утес и предстал перед киммерийцем, едва переводя дух.

— Ты не слишком торопился с донесением, — зло бросил варвар, — неприятель у нас под носом.

— О раджиб, — ударил себя кулаком в грудь кшатрий, — мы ничего не видели, пока войска не возникли, словно из-под земли! Сначала заклубилось плотное облако, а когда оно рассеялось, вокруг нас уже были марширующие колонны!

— И они вас не тронули?

— Клянусь Асурой, я сам не понимаю, в чем тут дело. Мы видели, как какие-то люди напали на другой разъезд и зарубили наших. Потом они поскакали к нам, и я приказал отступать. Однако те воины (кажется, это туранцы), среди которых мы внезапно оказались, не обращали на нас ни малейшего внимания, так что мы смогли промчаться сквозь их порядки и спастись.

— А что за люди напали на другой разъезд?

— Они одеты как местные воины, но я заметил, что это хайборийцы. Кожа у них светлая, глаза голубые или серые, и многие пользуются прямыми мечами.

— Немедийцы, — пробормотал Конан, — наемники Дастана...

— Что будем делать, раджиб? — спросил Мугаджар. — Отойдем в горы и постараемся задержать войска в ущелье?

— Увы, увы! — заголосил вдруг викиль, яростно дергая себя за бороду. — Нет спасения от силы великой...

Мугаджар треснул его кулаком по шее, и мехемец, охнув, смолк.

— Сейчас поглядим, что это за сила, — сказал Конан, открывая кожаную сумку, висевшую у него на поясе. Достал большой хрустальный шар и, приложив к глазам, снова посмотрел вниз.

— Надо послать гонцов в Айодхью, — предложил Аджар, — самим нам не справиться.

— Ну, это мы еще поглядим, — хмыкнул варвар. — Приказываю выставить пехотинцев у подножия скал, а конникам готовиться к атаке.

Сотники недоуменно уставились на своего командира. Им показалось, что киммериец спятил от жары, если решил сражаться на равнине с огромным войском. Или страсть, питаемая раджибом к дэви Жазмине, вскружила ему голову, и северянин решил с честью погибнуть, но не отступать?

— Позволь заметить, — осторожно сказал Мугаджар, — что наша атака причинит противнику столько же вреда, сколько укус комара слону...

— Ты что, испугался горстки каких-то немедийских наемников? Взгляни!

И Конан протянул сотнику хрустальный шар. Кшатрий посмотрел сквозь него на равнину и вскрикнул от изумления.

— Но там никого нет! Что за чудо?! Только щебень да полсотни воинов с прямыми мечами!

— Справишься с ними?

— Еще бы! Но что это за штука, заставившая исчезнуть целую армию?

Он недоуменно покрутил в руках сверкавший гранями кусок хрусталя.

— Никакой армии нет, — усмехнулся Конан, — это морок, насланный стигийцем. Ты сейчас смотрел на пустыню через глаз демона, которого я не так давно прикончил на дне пропасти, лежащей посреди княжества Гадхары. Сие око, доставшееся мне в качестве боевого трофея, способно различать иллюзорные явления и отделять подлинное от мнимого. Теперь мы знаем, что армия колдуна — всего лишь мираж. Очевидно, призрачные воины вселяют врагам ужас, а немедийцы делают все остальное. Что ж, сегодня им придется рас проститься с мифом о собственной непобедимости. Стройте воинов, и да поможет нам

Асур!

— А что делать с пленным? — спросил Мугаджар, кивнув на викиля. — Разреши снести ему голову, он нам больше не нужен.

— Нет, — оборвал Конан, — дайте ему саблю и пусть в бою докажет свою преданность. Он знает потайную калитку, ведущую в город, а это нам еще пригодится.

Узнав, что несметные силы, марширующие по пустыне, всего лишь мираж, вендицы приободрились и резво спустились вниз. Пехотинцы выстроились в шеренгу, став на одно колено и прикрывшись щитами. Свои длинные копья они воткнули древками в землю и наклонили их в сторону приближавшегося неприятеля. За спинами пехотинцев встали лучники.

Мугаджар вывел всадников вперед и, подняв своего горячего коня на дыбы, взмахнул над головой саблей.

— Смерть межемцем! Да здравствует Вендия!

— Вперед! — рявкнул Конан. — Во имя Крома, Мардука, Асуры и Митры — вперед!

Вендицкие конники понеслись навстречу наступающим. Все ближе надвигались первые ряды воинов стигийского колдуна, миг — и... щиты промчались сквозь их ряды, словно сквозь туман на лесной поляне. Они пытались рубить саблями, но клинки проходили сквозь призрачные тела, не причинив им никакого вреда, а вороги, глядя прямо перед собой невидящими глазами, все так же упорно двигались вперед, не замечая, что противник уже проник в их ряды.

— Ищите немедийцев! — отдавал Конан приказы своим людям. — Убейте их всех!

— Я вижу их, раджиб, — услышал он крик викиля. Межемец вдруг развернулся коня и во весь опор погнал его прямо на киммерийца.

— Я узнал тебя, проклятый Дастан! — завопил он, размахивая саблей. — Умри же, немедийский пес!

— Да ты спятил! — гаркнул варвар, едва успев отбить удар межемца. — Протри глаза, дурень, я что, похож на шахсара?!

Викиль снова размахнулся и... исчез. Вместо него Конан увидел светловолосого рыцаря в помятой кирасе, шишаке и с длинным мечом в руке. Клинок взлетел, целя в голову варвара, и Конан, испустив яростный боевой клич, вступил в схватку.

Они рубились посреди марширующих призрачных воинов, некоторые из которых проходили прямо сквозь сцепившихся не на жизнь, а на смерть противников, лишь на миг окутывая их туманными облачками. Звенели клинки, пот заливал глаза киммерийца, а в груди его клокотал бешеный гнев. Откуда взялся этот рыцарь? Кто он — один из немедийских наемников? Как бы то ни было, ублюдок найдет свою смерть на этом поле!

Предчувствие не обмануло: отбив очередной выпад рыцаря, варвар обрушил свой клинок на его шлем. Шишак выдержал удар, но из-под шлема потекла темная струя крови, воин зашатался и рухнул на землю. Склонившись над поверженным, Конан не смог сдержать крик изумления: перед ним, распростервшись на горячем щебне, судорожно подергивалось в предсмертных муках тело Абу-Гарима.

— Проклятье! — взревел варвар, поворачивая коня обратно к скалам. — Стигийский колдун обманул-таки меня!

Он пустил коня в галоп, стараясь побыстрей миновать призрачные колонны. И, вырвавшись вперед наступавших, понял, что опоздал.

Вендицы яростно сражались с вендицами. Стой пехотинцев был разорван, многие

лежали на земли в лужах крови, другие отчаянно отбивались от всадников Мугаджара. Конан увидел с дюжину трупов кшатриев, пронзенных стрелами: очевидно, летя в атаку на своих, воины Мугаджара стали жертвами лучников, укрывшихся за спинами пехоты.

— Назад! — отчаянно завопил киммериец, поднимаясь в стременах. — Это колдовство!

Тщетно взывал он к своим людям. «Смерть мхемцам!» — вопили конники, рубя своих товарищей. «Смерть немедийцам!» — откликались те, нанося ответные удары.

Конан увидел, как сцепились в смертельной схватке сотники Аджар и Мугаджар. Аджару удалось выбить противника из седла, и они рубились пешими, осыпая друг друга страшными проклятиями. Варвар направил коня к дерущимся, надеясь разнять их, но в этот момент сабля Мугаджара рассекла грудь соперника. Падая, Аджар успел поразить своего недавнего приятеля, и оба они рухнули на землю, обливаясь кровью.

Еще немного, и вендейскому отряду пришел конец. Ни один из кшатриев не уцелел: все они полегли под ударами своих же товарищей, думая, что сражаются с мхемцами или немедийцами. Это был разгром, полный и бесповоротный.

Конан редко испытывал страх на поле брани, но сейчас ужас сковал его члены. Так вот в чем была тайна стигийского колдуна! Не призрачные войска и не дружины наемников одерживали победы над врагами: нападавшие сами уничтожали друг друга. Косальцы, туранцы, афгулы и кто там еще приходил себе на погибель в Сокровенную Долину...

Оглянувшись, Конан увидел, что призрачное войско исчезло. Только мертвая пустыня расстилалась перед ним, и по белому щебню неторопливо приближался к варвару отряд высокорослых светлокожих людей с прямыми мечами у пояса.

Впереди, улыбаясь ему как старому знакомому, ехал Бравгард: левая рука уперта в бок, правая поигрывает тяжелой булавой.

— Привет тебе, раджиб, — осклабился он, подъехав. — Что же это твои кшатрии друг дружку перебили? Перегрелись небось на нашем солнышке. Ай-яй-яй!

— Ваша взяла, — проворчал варвар, подавая немедийцу свой меч. — Помнишь уговор? Я сдаюсь.

— Как же, помню, — хохотнул Бравгард, — долг платежом красен!

Сказав так, он быстро взмахнул булавой и обрушил ее на пернатый шлем Конана.

Качнувшись в седле, киммериец тяжело рухнул под ноги своего взмыленного коня.

ГЛАВА 10

Соблазн

Голова раскальвалась. Конан с трудом открыл глаза. Он лежал на широком ложе, покрытом шелковым покрывалом. В полумраке комнаты едва трепетал слабый свет, и варвару показалось, что в его ногах сидит какое-то существо.

Лампа вспыхнула ярче, озарив тонкий стан, маленькие груди и точеные плечи нагой девушки, сидевшей, скрестив ноги, на краю кровати. Ни малейшего смущения не было на ее свежем зеленоглазом лице.

— Кто ты? — прохрипел варвар, облизывая пересохшие губы. — Дочь бодейского губернатора?

— Какой догадливый, — проворковало прелестное создание. — Сильный и умный мужчина, даром что киммериец. Можешь называть меня Ганкуль. Я исполняю волю дэви Жазмины в Эль-Мехеме.

— Ты-ы?.. — выдохнул Конан, даже не стараясь скрыть изумления.

— Узнаешь? — Девушка подняла тонкий пальчик, на котором красовался изящный перстень с изображением Черного Лотоса — тайный знак Жазмины, известный лишь немногим приближенным.

— Значит, история с коварным капитаном — легенда?

— Мы придумали ее вместе с дэви. Поверь, женщины не столь уж глупы, как иногда хотят казаться. Но откуда ты узнал историю моего появления в Эль-Мехеме?

— Рассказал один перебежчик, мир его праху. Это ты сообщила Жазмине о стигийском чернокнижнике и его волшебном флюгере?

— Я.

— Но ведь серебряный всадник — далеко не главное! Колдун каким-то образом умеет заставлять нападающих уничтожать друг друга. Я видел это собственными глазами, все мои воины погибли...

— На вершине башни, которую построил стигиец, есть площадка с двенадцатью бронзовыми досками, обращенными на все стороны света. На досках укреплены резные фигурки воинов. Стоит колдуна прикоснуться к ним магическим копьем, как воины начинают поражать друг друга, заставляя делать то же самое неосторожных захватчиков. Дастан тоже развлекался этой забавой, пока ему не надоело.

— И это тебе известно!

— Шахсар влюблен в меня и полностью доверяет. Мы не раз бывали в гостях у Апп-Магарбана.

— Но если так, почему ты не сообщила об этом дэви?

— Потому что хотела, чтобы ты отправился в Мехем и мы встретились.

Конан молчал, теряясь в догадках. Пожалуй, первый раз в жизни он не в силах был разгадать мысли женщины.

Ганкуль поднялась с ложа и прошлась по комнате, потягиваясь, как большая гибкая кошка. Потом взяла стул и уселась на него верхом, опершись подбородком о высокую резную спинку и уставившись на киммерийца зелеными немигающими глазами.

— Послушай, Конан-варвар, — сказала она своим вкрадчивым мелодичным голосом. — Я

вовсе не дочь бодейского губернатора и даже не преданный исполнитель воли дэви Вендии. У меня свои планы – относительно тебя, App-Магарбана и вообще мира, в котором мы живем.

– Кто же ты?

– Я родилась в Гиперборее, стране волшебников, и до двенадцати лет воспитывалась согласно тамошним законам. Ты слыхал о колдунах Белой Руки?

– Слыхал. И даже сражался в ваших краях на гладиаторской арене.

– Ах вот как! Ну, тогда ты должен знать, что все гипербoreйцы, принадлежащие к высшему сословию, владеют секретами магии. Многие из тайн открылись и мне за время моего ученичества. Скажу тебе, это весьма мрачные тайны... Моим отцом был пленный бритунец, понравившийся моей матери силой и удалью. Когда отца принесли в жертву нашим богам, мать оставила меня в качестве законной наследницы. Поэтому я полукровка, и полукровка неблагодарная. Бритунская кровь не позволила полностью предаться служению темным силам, и я бежала из сумрачной страны через Врата Черепа в Иглофийских горах. Знаешь, что начертано над теми вратами?

Конан знал, что там начертано. «Врата Гипербореи – это врата смерти для тех, кто пройдет через них непрошенным». Он сам когда-то пересек Иглофийские горы, бежав из гладиаторских казарм Халоги.

– Среди искусств, мною освоенных, – продолжала Ганкуль, – есть одно, весьма ценимое женщинами. Я умею так уложить волосы, накрасить лицо и подвести брови, что даже старуха превратится в юную красавицу. Поэтому, оказавшись в Айодхье, я предложила свои услуги дэви Жазмине и вскоре стала ее любимейшей хаджибой, то есть, говоря западным языком – придворной дамой...

– По-моему, Жазмина не нуждается в приукрашивании своей внешности, – буркнул киммериец.

– В тебе говорит влюбленный, Конан-варвар! Спору нет, дэви прекрасна, но даже самая первая из красавиц не устоит перед соблазном стать еще чуточку обаятельней. Такова уж наша природа. А так как я умела выполнить любую прихоть властительницы Вендии, Жазмина вскоре стала доверять мне не только свое тело, но и душу. Вазам Экатракан и остальные придворные даже не подозревают, что место первого советника при дворе давно заняла женщина...

– Гипербoreйская колдунья, – проворчал Конан.

– Ну, это громко сказано. Я всегда была слишком ленивой ученицей, чтобы овладеть подлинной силой гипербoreйской магии. Умею толковать полет птиц, расположение брошенных на блюдо зерен, руны на сосновых дощечках... Не много, но достаточно, чтобы быть уверенной в своей счастливой судьбе.

– И для полного счастья тебе понадобился я?

– Я же сказала, что ты страшно догадливый! – звонко рассмеялась Гаякуль. – Да, киммериец, мне нужен ты, сильный, обладающий железной волей, умеющий добиваться своей цели. Руны сказали мне, где искать такого человека – я не случайно оказалась во дворце Айодхьи. И я все сделала для того, чтобы мы встретились в нужном месте и в нужное время.

– Но зачем??

– Чтобы стать королевской четой, повелевающей миром!

Конан молчал. Да и что он мог сказать? За словами гипербoreйки скрывалось либо

безумие, либо нечто такое, отчего кровь начинала стыть в жилах.

— Слыхал ли ты о садах Иштар? — спросила Ганкуль, не отрывая от лица варвара немигающего взгляда огромных зеленых глаз.

— Сады Асуры, сады Иштар... Кажется, у каждого небожителя есть свой участок. Много чего я слышал, да не всему можно верить.

— Настоящий киммериец! — снова рассмеялась девушка. — Но сады Иштар существуют, и я в них бывала.

— Бывала на небесах?

— Чудесные места расположены гораздо ближе, чем мы часто думаем. Ну, может, не сами места, а вход, через который в них можно проникнуть.

— И где же находится калитка в кущи Небесной Девы?

— То там, то здесь, в зависимости от воли богов. Я нашла ее в пустынях Шема.

— Каким ветром тебя туда занесло?

— О, я побывала во многих местах, зачастую весьма удивительных. У каждого своя судьба, и не следует донимать богов вопросами, почему они ведут нас теми или иными дорогами. Скажу только, что я была пленницей дикого племени, но мне удалось бежать. Проскитавшись среди песков два дня, я не нашла ни одного оазиса, ни капли воды. Наконец показалась одинокая пальма, а рядом обнаружился пересохший колодец. Проклиная судьбу, я упала на горячий песок и приготовилась умереть. Солнце мало-помалу погружалось в золотистый туман, веки мои слипались...

Когда я открыла глаза, было уже утро, а рядом, всего в десяти шагах, высились стены неизвестного города. Сначала я подумала, что неведомая сила перенесла меня ночью к его воротам, но потом, увидев пальму и высохший колодец, поняла, что город возник сам собой в силу неясных пока причин.

В надежде разыскать воду, я вошла в ворота. За ними лежали прямые широкие улицы, вдоль которых высились великолепные здания, на площадях шумели фонтаны, крытые рынки могли бы вместить тысячи торговцев, а между тем город казался необитаемым, и таинственное молчание господствовало повсюду.

Побродив по улицам и переулкам, я очутилась перед дворцом, окруженным прелестными садами. Кругом виднелись бассейны с прозрачнейшей водой, окруженные душистыми рощами и деревьями, гнувшимися под тяжестью плодов. Я утолила жажду и голод, так и не встретив ни единой души.

Не знаю почему, но тайный страх овладел мною в этом безлюдном месте, и я поспешила выбежала из дворца, пробежала по улицам и захлопнула за собой створки ворот.

Очнувшись среди песков, я обернулась, чтобы еще раз взглянуть на чудесное явление, но увидела только бесплодную пустыню и желтые барханы, простирающиеся до самого предела земного круга.

Я побрела, сама не зная куда, проклиная себя за то, что не догадалась запастись водой и фруктами в странном городе. Боги смилостились: на следующий день мне повстречался небольшой оазис, где, в полном уединении, жил старый отшельник, которому я рассказала свое приключение.

«Дочь моя, — сказал этот стариk, — ты видела дворец и сады Иштар, чудо пустыни, являемое путникам для возобновления их утраченного мужества. Потом, когда упоительное зрелище неги и роскоши исчезает, странник, сгибаемый голодом и усталостью, с новым ужасом видит перед собой лишь мертвую пустыню. Таким образом Небесная Дева

напоминает людям о бренности всего земного и ничтожестве наших усилий обрести покой в земных царствах».

«Неужели никому не дозволено оставаться в садах Иштар навсегда?» – воскликнула я, пораженная несправедливостью светлой богини.

«Такое по силам лишь душам просветленным, – отвечал пустынник, – полностью отречившимся от всего сиюминутного и проходящего. Либо же, как я слышал, обладателям магической силы, превосходящей всякое волшебство, которое мне известно. Но об этом я говорить не хочу...»

Конан поймал себя на мысли, что перестает улавливать смысл ее слов, а слушает лишь мелодичное журчание девичьего голоса, не в силах оторвать взора от ее по-детски припухших розовых губок. Он мотнул головой, стряхивая наваждение, и сказал:

– Ладно, не забивай мне голову высокими материалистами. Я всего лишь варвар и мало что в этом смысле. Все эти просветленные души кажутся мне либо прохиндеями, либо недоумками, по которым плачет скорбный дом. Что же касается магии и чародеев, я их не люблю. И скажу тебе так: если есть ворота, их лучше открывать добрым тараном либо перебраться через стену с помощью веревки с железной кошкой на конце.

На этот раз Ганкуль лишь слегка улыбнулась.

– Зачем нужен таран, когда есть ключ?

– А он есть?

– Да, и совсем неподалеку. App-Магарбан обладает древним стигийским манускриптом, в котором есть все нужные заклинания. Осталось только...

– Осталось только заставить его перенести сюда ворота чудесного города, – перебил варвар насмешливо.

– Он уже сделал это. Стариk пылает ко мне страстью, вызванной эликсиром молодости, который стигиец принимает по два раза в день. Ради моей любви он готов на все, и уже доказал это, воздвигнув возле своей пещеры врата, через которые можно проникнуть в сады Небесной Девы. Теперь мы завладеем свитком Сета (ибо только он позволяет отворять и закрывать вход), укроемся за стенами, неприступными ни для одного войска, и станем оттуда повелевать миром!

– Мы? – переспросил варвар, – Почему ты так уверена, что я соглашусь на твое предложение?

– Согласишься! – Голос гиперборейки стал жестким. – Ты ведь мечтаешь о собственном королевстве, я знаю. А что может быть величественнее державы, объемлющей собою все земные пределы! Не сомневайся во мне, Конан, мне вовсе незачем тебя обманывать. Послушай мой план. Стигиец давно выпрашивал меня у шахсара, но Дастан ни за что не соглашался, хотя и обязан колдуна всеми своими победами. Тогда я рассказала ему о чудесном городе и предложила то же, что и тебе – укрыться за его волшебными стенами и с помощью стигийского манускрипта стать властелином мира, ибо в рукописи содержатся формулы, способные вызвать такие силы, что они сметут с лица земли любое государство, осмелившееся нам перечить.

– Думаю, немедиец не стал артачиться, – вставил Конан.

– Еще бы! Но Дастан не тот, кто мне нужен. Он всего лишь пешка в моей игре. А вот App-Магарбан – фигура поважней. Я тайно переговорила со стигийцем, объявив, что готова принадлежать ему, если он откроет вход в сады Иштар.

Стариk чуть с ума не сошел от радости и, когда Дастан обратился к нему по моему

наущению с той же просьбой, охотно согласился. Теперь оба надеются, что будут наслаждаться моим обществом в чудесном дворце, где нет течения времени и жизнь продолжается вечно, и даже не подозревают, что вход откроется совсем для другого человека. Для тебя, Конан-варвар!

Киммериец помолчал, о чем-то раздумывая.

— Да, — сказал он, — Вендия потеряла в твоем лице настоящий клад. Ты всех готова обвести вокруг пальца — дэви, шахсара, колдуна — ради достижения своей цели.

— Нашей цели, Конан, нашей с тобой великой цели! Конан Король Мира — звучит, а?

— Звучит, — кивнул киммериец, — поглядим, что из этого выйдет. Но как мы завладеем свитком?

— Это твоя задача. Я сведу немедийца и колдуна возле входа, именуемого Вратами Вечности, и сделаю все, чтобы между ними вспыхнула ссора. Ты воспользуешься ситуацией и отберешь у стигийца манускрипт.

— А как я попаду к воротам?

— Ты забыл, что сдался, чтобы поступить на службу к шахсару? Дурень Бравгард ударили тебя по голове не затем, чтобы убить, а чтобы покрасоваться перед приятелем, объявив, что пленил тебя силой. Одно мое слово, и ты станешь личным телохранителем Дастана!

— Ты говоришь очень убедительно, — согласился варвар, — я даже забываю, что на тебе нет одежды.

— А зря, — улыбнулась юная красавица. — Теперь, когда мы обо всем договорились, можешь об этом вспомнить.

— Уже, — сказал Конан. — Жду тебя, моя королева!

— Сначала я приму ванну и воспользуюсь своими мазями, чтобы немного поправить внешность, — кокетливо проворковала Ганкуль, поднимаясь со стула. — Вон за той занавеской есть небольшая купальня. Подожди, мой король!

И она легкой походкой удалилась в нишу в конце комнаты.

— Воспользуюсь мазями, — пробормотал про себя варвар, — где это видано, чтобы юная девушка...

Он замолчал, приподнялся на локте и огляделся.

На нем была нижняя туника и короткие штаны — кто-то снял доспехи и куртку, прежде чем уложить его в постель. Рядом на столике лежала кожаная сумка.

Открыв ее, Конан достал хрустальный шар, задумчиво повертел в руках, потом встал с ложа и, неслышно ступая босыми ногами, направился в сторону купальни. Слегка отодвинув занавеску, он увидел Ганкуль, сидевшую к нему спиной перед большим зеркалом.

Варвар уже подносил к глазам хрустальное око демона, когда забранное цветными стеклами окно со звоном лопнуло и в деревянную панель чуть выше его головы вонзилась тяжелая длинная стрела.

ГЛАВА 11

Впереди – вечность

– Прости, что испортил тебе шлем, – сказал Бравгард, умирая. Конан закрыл немедийцу глаза и поднял свой окровавленный меч. Узкий проулок был завален трупами мехемцев. Проулок оканчивался тупиком – было ошибкой укрыться здесь от погони. Клинки киммерийца и немедийского рыцаря удачи славно поработали, отражая натиск восставших, и все же стрела одного из мехемцев пронзила грудь начальника янпачей.

Где те янпачи, дворцовая гвардия шахсара, раздери их Нергал?! Частью перебиты, частью перекинулись на сторону победителей. Из дружины Дастана тоже немногие уцелели: коварные лехемцы вырезали большую часть ничего не подозревавших наемников, пьянистовавших по поводу славной победы над вендийцами, к которой не имели, если говорить честно, ни малейшего отношения.

Судьба немедийцев мало тревожила Конана. Но ему нужно было попасть к Вратам Вечности возле пещеры стигийского колдуна, попасть вместе с Дастаном и Ганкуль, поэтому киммериец сражался, прикрывая их бегство, бок о бок с воинами удачи, многие из которых почти разучились владеть мечом от долгого безделья за стенами хранимого магией Эль-Мехема.

Все они были убиты. Последним пал Бравгард, единственный немедиец, к которому Конан испытывал нечто вроде уважения: дрался Бравгард отчаянно и ругался при этом так, что Нергал зажимал уши на Серых Равнинах.

Восстание вспыхнуло неожиданно для шахсара. Кто-то распустил среди народа слух, что стигийский маг готовится навсегда уйти под землю, оставив город на произвол судьбы. Без защиты волшебника мехемцы становились легкой добычей любого, кто пожелал бы овладеть княжеством. Более всего жители страшились вендийских войск, готовых отомстить за гибель своих товарищей. Многие вельможи присоединились к бунтовщикам, надеясь вымолить прощение дэви Жазмины, повесив Дастана и киммерийца на крючья возле Балдахских ворот.

И все же Дастану и Ганкуль удалось бежать через потайную калитку в городской стене. Теперь Конану предстояло их догонять.

Легко подтянувшись, варвар перевалил через кладку, запиравшую проулок, и спрыгнул в маленький дворик, где сушилось на веревках белье и разгуливали куры. Выбив ногой дверь, он ворвался в жилище какого-то мехемца, не обращая внимания на вопли женщин, ринулся к выходу и выскоцил на соседнюю улицу.

По улице с победными воплями метались горожане, вооруженные пиками, кольями, топорами и трофейными немедийскими мечами. Опьянев от крови, восставшие тщетно искали врагов, которые все уже полегли на мостовых и во дворах Эль-Мехема.

Явление киммерийца вызвало дикий переполох: часть бунтовщиков бросилась врассыпную, другие ринулись на варвара, намереваясь тут же с ним справиться. Те, кто вовремя унес ноги, оказались умнее: нападавшие мехемцы полегли под ударами тяжелого меча Конана, как сухой тростник.

Сбив с лошади какого-то вельможу, тщетно пытавшегося достать его саблей, варвар вскочил в седло и во весь опор помчался вдоль улицы, ведущей к Балдахским воротам. Ворота были открыты: жители готовились встретить передовые отряды вендийцев и

продемонстрировать таким образом свое повиновение.

Успев заметить несколько трупов немедийцев и иранистанских янпачей, висевших на вбитых в стену крючьях, Конан вихрем промчался мимо разинувших рот горожан и погнал коня по пыльной дороге, убегавшей к горам Тайдук-Нубас. Он опасался, что Дастан и Ганкуль скроются в скалах прежде, чем он их заметит, и тогда найти пещеру колдуна станет делом почти безнадежным.

Ему повезло: вдали он увидел облачко пыли и вскоре настиг шахсара, сопровождаемого преданным Махрой, и девушку.

– Ты один? – спросил Дастан, придерживая коня. – Где дружина, где Бравгард?

– Все убиты, – отвечал киммериец. – Бравгарду я сам закрыл глаза. Он пал с честью.

– Да примет Митра его душу, – грустно молвил Дастан, осеняя лицо круговым движением ладони – знак в честь Светлого Бога.

Он молча поехал вперед, шемит, гипербoreйка и киммериец последовали за ним.

Когда они поднялись на террасу, вырубленную в скале, из-за камня со скрежетом выступил железноголовый страж. Из отверстий едва сочились тонкие струйки желтого дыма. Страж двигался с большим трудом, внутри у него что-то щелкало и позванивало.

– Уйди, урод, не до тебя, – бросил немедиец чудищу и проехал мимо.

Монстр так и остался стоять возле камня, не сделав попытки преградить всадникам дорогу.

Спешились возле входа в пещеру. App-Магарбан встретил их внутри, лежа на атласном диване. Возле его ног сидели несколько миловидных девушек, тихо перебирая струны ситар и эльудов. Стигиец подозрительно глянул на Конана, но ни о чем не стал спрашивать.

– Чего еще может желать бедный дряхлый старик, кроме спокойного места для своей старости? – заговорил колдун слабым голосом, обводя широким жестом пещеру, более похожую на залу роскошного дворца. – Я больше не честолюбив, не жажду удовольствий и наград. Я исполнил твоё последнее желание, о шахсар, единственное для того, чтобы доказать тебе искренность моей дружбы. Не требую ничего из твоей сокровищницы за свою работу, но, думаю, ты не откажешь в единственной безделице, о которой я тебя просил.

– Просьба твоя мне удивительна, – отвечал немедиец, – но я не стану вникать в надобности твоего магического искусства. Видно то, о чем ты просишь, необходимо тебе для совершения каких-то ритуалов. Быть посему! Отведи же нас поскорее к вратам, ведущим в сады Иштар. Хочу убедиться, что они так прекрасны, как о них рассказывают.

Маг поднялся и, опираясь на посох, повел гостей через анфиладу вырубленных в скале комнат, роскошно убранных и полных самой изысканной утвари и украшений. Когда они вышли на солнечный свет с противоположной стороны убежища колдуна, Конан увидел стоявшую на каменистой площадке черную арку локтей десяти высотой. С одной стороны на гладком граните была вытесана рука с раскрытым ладонью, с другой – изображение ключа.

– Вот, – торжественно молвил чернокнижник, – вход в самое надежное убежище, где нет ни страданий, ни бега времени. Там можно вечно наслаждаться покоем среди прекрасных садов и фонтанов, слушая пение птиц и...

– Но там ничего нет, – оборвал его Дастан, заглянув в проем арки. – Только камни и какие-то колючки...

– В этой-то способности оставаться скрытым от всех глаз и заключается безопасность этого убежища, – нетерпеливо объяснил стигиец, – сады Иштар предстанут твоим глазам не прежде, чем ты переступишь через порог ворот. И, пока кто-нибудь не завладеет

манускриптом и не узнает формулу, заставляющую мраморную руку схватить каменный ключ, никакая сила, ни человеческая, ни чародейская, не одолеет владыку этих мест, ибо врата будут заперты нагло.

— Так открывай их, да поживее, — вскричал немедиец, позабыв о всякой восточной учтивости.

Маг злобно зыркнул на него темными глазами, но промолчал и вытащил из-за пазухи свиток. Развернул и, уткнувшись в пергамент носом, пробормотал несколько странно звучащих слов.

В тот же миг под аркой полыхнул яркий язык пламени, и красная огненная черта пробежала через основание входа.

— Врата открыты, — возгласил стигиец торжественно, — можно входить!

— Но первой войдет дама, — раздался решительный голос гиперборейки. — Надеюсь, все вы достаточно вежливы, чтобы соблюдать этикет?

Не дожидаясь ответа, она шагнула за огненную черту и исчезла. Все те же камни и сорная трава были видны за входом, а девушка словно растворилась в воздухе.

— Куда она делась? — с тревогой спросил Дастан. — Отвечай, колдун!

— Она уже в садах... — начал было стигиец, но тут из пустоты прозвучал мелодичный голос девушки.

— О, как здесь прекрасно, какое великолепие и свет, свет!

Дастан поспешил было ко входу, но чернокнижник решительно загородил ему дорогу.

— Помнишь ли ты свое обещание? — вскричал он, широко раскинув руки и выставив вперед седую бороду.

— Да, — несколько растерянно отвечал немедиец, — ты должен получить первого кузнецика, который скакнет за черту. Но я не понимаю...

— Предлагаю тебе сдержать слово и уступить мне девушку, ибо ее имя на гиперборейском языке и значит «кузнецик»!

Дастан захочатал, сочтя слова чародея за шутку, но когда тот с важностью повторил свое предложение, схватился за рукоять ятагана и, побледнев от гнева, воскликнул:

— Апп-Магарбан, перестань столь неосторожно насмехаться надо мной! Я поклялся именем Митры Пресветлого и знаю всю святость этой клятвы и наказание, которое налагает Податель Жизни на отступника. Но ты говорил о насекомом, а не о женщине!

— Правда? — подбоченился мат. — Ты можешь назвать хоть одного свидетеля, который подтвердит, что я упоминал насекомое? Нет, о шахсар, я сказал «кузнецик» и только «кузнецик», а это слово произносится на разных языках по-разному и может относиться к кому угодно. В данном случае оно звучит — Ганкуль!

— Оставим этот спор, старик, — Дастан едва сдерживал злость, Klokotавшую в его груди, — возьми из моих, сокровищниц столько золота, сколько захочешь, но оставь в покое девушку!

Стигиец разразился сухим лающим смехом.

— Сокровища! Что мне в твоих ничтожных богатствах? Если бы я захотел, то мог бы собрать у своих йог все золото мира! Кроме того, у тебя за душой нет ни гроша: в подвалах эльмехемского дворца давно хранят бунтовщики. Это бедствие послано тебе в наказание за то, что не хотел прислушиваться к моим предостережениям!

— Все твои предостережения вызваны одним желанием — завладеть моей женщиной!

— Да, и я это сделаю, даже если вынужден буду принудить тебя соблюдать клятву силой!

— Ты принудишь меня?! — возопил Дастан, дав наконец волю гневу. — Ты, ничтожный стариk, которого я освободил из застенков! Такова твоя благодарность, проклятый фокусник! С каких это пор бродяга, земной червь смеет восставать против своего повелителя?!

— Ты — мой повелитель? — прервал его стигиец, заходясь еще более диким смехом. — А давно ли грязный наемник считает себя способным бороться с могуществом человека, ведающего тайны стигийской магии? Это ты — червь под моими ногами! Отныне я лишаю тебя своего покровительства. Дамбаллах-гард-осса-манту!

Не успел волшебник произнести эти слова, как на вершине башни, высившейся над скалой, что-то оглушительно треснуло и сверху посыпались осколки бронзовых досок. Магическое войско стигийца распалось в прах.

— Убей его, Махра! — выкрикнул Дастан срывающимся голосом.

Немой телохранитель сунул руку за пазуху, но, прежде чем он успел извлечь хассак, чернокнижник поднял посох, ослепительная искра сорвалась с его наконечника и ударила в грудь шемита, обратив несчастного в горстку пепла. Конан не стал больше медлить. Резким движением он вырвал из цепких пальцев стигийца свиток, быстро сунул себе за пояс, потом ухватил обомлевшего мага поперек туловища и поднял над головой. Стариk повис в воздухе, болтая руками и ногами...

— Я жду тебя, Конан! — раздался из-под арки голос Ганкуль, низкий и повелительный, и не было в нем больше и следа прежней напевной мелодичности.

— Пожалуй, я уступлю место старшему, — рявкнул в ответ киммериец и швырнул тело колдуна в ворота.

Ужасный вой, полный тоски и злобы, вырвался из-за врат, раздался грохот, словно рушились стены сотен крепостей, черный монолит треснул и стал рассыпаться. По земле побежали разломы, из которых ударило пламя...

... Конан и Дастан успели вскарабкаться по склону горы и теперь сидели на камнях, наблюдая, как меркнет подземный огонь в трещинах и оседает пыль, поднятая рухнувшими воротами.

— Проклятая баба, — ворчал немедиец, утирая пот с толстых щек. — Так она предала меня и хотела уйти в сады Иштар с тобой?

— Ты говоришь «проклятая баба», а еще недавно готов был положить к ее ногам все золото мира и самую жизнь свою, — усмехнулся варвар, разглядывая стигийский свиток.

Пергамент был ветхим, осыпавшимся по краям, и знаки, покрывавшие его, если смотреть на них долго, вызывали головокружение и легкую тошноту.

— Она просто лишила меня разума, — сказал Дастан. — Сейчас, как ее вспомню, так мороз по коже. Чем только делал бодейский губернатор свою дочь?

— Думаю, бодейский губернатор даже не подозревает о существовании нашей с тобой знакомой. Она — гиперборейская колдунья...

И Конан коротко пересказал немедийцу то, что узнал сегодня утром, не умолчав и о предложении стать повелителем мира.

— Не понимаю, — сказал Дастан, выслушав варвара, — отчего ты отказался? Ты что, так предан своей Жазмине?

Киммериец хмыкнул.

— Я лишь исполнил то, что обещал дэви Вендии. Проник в Эль-Мехем, поступил к тебе на службу (для того и отпускал Бравгарда), разгадал тайну твоей непобедимости и уничтожил ее причину. Ну, не я уничтожил, а маг, но это все равно. Теперь вендицы могут

снова задарма пить целебную воду.

Дастан задумчиво почесал бороду.

— Я должен бы тебя убить, но отчего-то мне не хочется этого делать. Ты мне нравишься, киммериец. Словно пелена упала с глаз, когда исчезла ведьма. И все же объясни — отчего ты отказался от предложения гиперборейки и не ушел с ней?

— Видишь ли, — сказал Конан, доставая из сумки хрустальный шар, — есть у меня вот эта штука, которая показывает истинный облик всего сущего. Прежде чем мхемцы пошли на штурм дворца, я успел разглядеть через нее «прекрасное создание» поближе.

— И что ты увидел?

— Лучше тебе не знать, с кем ты собирался провести остаток вечности. Знаешь, что я думаю, немедиец? Я думаю, что лучше видеть женщину такой, какой она хочет казаться. И пусть все остается, как есть: колдунья сидит в очарованных садах под присмотром Иштар, а земные красавицы всегда радуют нас своими прелестями.

Высказав столь глубокие умозаключения, варвар размахнулся и швырнул свиток Сета и хрустальный шар в тлеющую внизу расщелину.

— Правильно, — одобрил Дастан, — всяким магическим штукам место в Нижнем Мире. Куда теперь думаешь податься, киммериец? В Айодхью?

— Нет, брат, жара мне порядком надоела. Да и мыслю, что Жазмина тоже не прочь упрятать меня в свои «очарованные кущи». А это скучно, согласись, немедиец. Хочу податься в Коф и подороже продать свой меч принцу Альмурику.

— Пожалуй, я отправлюсь с тобой, — сказал Дастан, — если ты не против.

— Не против, Лис. Интересно, уцелели ли наши лошади?

Кони оказались невредимы, не пострадало и жилище мага в недрах скалы. Варвара и немедийца встретили испуганные невольницы.

— Я освобождаю вас властью шахсара, — объявил им Дастан, — отныне вы свободны и можете идти куда захотите.

— И наберите столько добра, сколько сможете унести, — добавил Конан, — мы же возьмем лишь несколько монет на дорожные расходы. Я не хочу марать руки о золото, к которому прикасался колдун.

Варвар не стал марать руки. Он всегда носил в сумке перчатки с шипами, очень полезные в кулачной драке. На сей раз они пригодились для гораздо более мирного занятия: чтобы наполнить мешки.

Вскоре облако пыли скрыло двух всадников, спешивших покинуть место, еще долго после описанных событий считавшееся среди мхемцев дурным и опасным.

Говорят, что какой-то пастух, бродя многие годы спустя возле опустевшего и полуосыпавшегося жилища колдуна, обнаружил в скалах трещину, из которой пробивался неясный свет. Приникнув к щели, он увидел прекрасный сад, фонтан, широкое ложе, стоящее в тени персиковых деревьев, и двух обитателей таинственного места.

Зрелище так понравилось пастуху, что он ходит туда до сих пор. И каждый раз, подсматривая сквозь расщелину, видит одну и ту же картину: горбоносую старуху, раскинувшуюся на богатых подушках, и бледного седобородого старика, сидящего у ее ног и перебирающего костлявыми пальцами серебряные струны эльуда.

Иногда старуха на что-то гневается и колотит старика длинным посохом, покрытым таинственными знаками.

И так будет длиться целую вечность — пока существуют зачарованные сады Иштар.

